

CONAN

THE TREASURE OF TIRANICOS

Over 50 pages of interior
art by ESTEBAN MARCO

A
SF
SPECIAL EDITION

BY THE GREATEST ADVENTURE WRITER OF ALL TIME
ROBERT E. HOWARD

Annotation

Конан попадает в Пиктские Пустоши, где находит живущих на берегу моря изгоев из Зингары — отца с дочерью. Когда на поселение нападают пикты, всем приходится несладко.

- [Лайон Спрэг Де Камп и Роберт Говард](#)
 - [1. РАСКРАШЕННЫЕ](#)
 - [2. ПИРАТЫ](#)
 - [3. ТЕМНЫЙ ЧУЖЕЗЕМЕЦ](#)
 - [4. ЧЕРНЫЙ БАРАБАН ГРЕМИТ](#)
 - [5. ЧЕЛОВЕК ИЗ ГЛУШИ](#)
 - [6. ГРАБЕЖ ПЕЩЕРЫ](#)
 - [7. ДИКАРИ ИЗ ЛЕСА](#)
 - [8. БОЕЦ ИЗ АКВИЛОНИИ](#)
-

Лайон Спрэг Де Камп и Роберт Говард
«Драгоценности Траникоса»

1. РАСКРАШЕННЫЕ

Только что поляна была пуста, а теперь на ее краю, возле кустарника стоял мужчина, напрягая все свои органы чувств. Ни один звук не предупредил о его приходе, но птицы, греющиеся в солнечном свете, испугались его внезапного появления и возбужденно галдящей стаей взмыли вверх. Мужчина наморщил лоб и поспешно оглянулся назад, откуда он только что появился, испугавшись, что птицы могут выдать его присутствие. Потом он осторожными шагами пересек поляну.

Несмотря на свою огромную, мощную фигуру, мужчина двигался с уверенной гибкостью леопарда. Кроме набедренной повязки на его бедрах, на нем больше ничего не было, его кожа была исцарапана колючками и покрыта грязью. Его мускулистая правая рука была перевязана коричневой, заскорузлой тряпицей. Лицо под растрепанной черной гривой волос было напряжено и утомлено, а его глаза горели как у раненого волка. Быстро спеша по узкой тропинке, пересекающей поляну, он немного прихрамывал.

Пройдя, примерно половину пути, он внезапно остановился, и мягко, как кошка, оглянулся назад, услышав позади себя в лесу пронзительный крик. Он звучал почти как вой волка, но он знал, что это не волк, потому что он был киммерийцем и знал голос леса, как цивилизованный человек знает голоса своих друзей.

Ярость сверкнула в его налитых кровью глазах, когда он снова повернулся и побежал дальше по тропе, которая проходила по краю поляны, мимо густого, заполняющего все пространство между деревьями, кустарника. Между ним и тропой лежал глубоко погрузившийся в покрытую травой землю поляны ствол дерева. Увидев его, киммериец остановился и оглянулся назад, через поляну. Неопытный глаз не заметил бы здесь никаких следов того, кто здесь только что прошел. Однако для его знакомых с дикой природой глаз, след этот был четко виден. И он знал, что его преследователи тоже без труда прочитают его след. Он беззвучно зарычал, как загнанный зверь, готовый вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Быстро и с наигранной беспечностью, он опустился на тропу и тоже намеренно притаптывал тут и там траву. Однако, достигнув задней части ствола, он вспрыгнул на него, повернулся и легко побежал назад. Коры на стволе давно уже не было и на голой древесине не оставалось никаких следов. Никакой, даже самый острый глаз не мог различить, что человек

этот вернулся назад. Достигнув самого густого кустарника, он, как тень, исчез в нем и позади него не шевельнулся ни один листок.

Время тянулось очень медленно. Серые белки снова беззаботно занялись своими делами на деревьях, а потом, внезапно, молча спрятались в ветвях. На поляну снова кто-то вышел, так же бесшумно, как и киммериец, появились трое мужчин. Они были темнокожими, приземистыми, с мускулистой грудью и сильными руками. На них были расшитые бисером набедренные повязки, а в их черных волосах были воткнуты перья орла. Их тела были разрисованы сложными узорами, а в руках у них было простое оружие из кованой меди.

Они осторожно выглянули на поляну, потом, готовые к прыжку, вплотную друг к другу, как леопарды, вышли из кустарника и нагнулись над тропой. Они двигались по следу, который оставил за собой киммериец, а это было непросто даже для легавой собаки. Они медленно крались по поляне. Тут первый преследователь остановился, что-то пробормотал и указал своим копьем с широким наконечником на примятую траву, где тропа снова уходила в лес. Его товарищи тотчас же остановились и их черные глаза-бисеринки стали обыскивать густую стену леса. Но их жертва спряталась хорошо. Наконец, они снова тронулись в путь, на этот раз быстрее. Они шли по слабым следам, которые, казалось, показывали, что их жертва от усталости и отчаяния стала неосторожной.

Едва они миновали то, место, где тропа близко подходила к чаще кустов, как киммериец выпрыгнул позади них, крепко скав оружие, которое он вытащил из набедренной повязки: в левой руке кинжал с длинным медным лезвием и секирой с медной рубящей частью в правой. Нападение было таким быстрым и неожиданным, что у сзади идущего пикта не было никаких шансов спастись, когда киммериец вонзил ему кинжал между лопаток. Клинок вошел в сердце, прежде чем пикт вообще понял, что он подвергся опасности.

Оба других пикта обернулись с быстрой захлопывающейся ловушкой, однако за это время киммериец успел вытащить кинжал из тела своей первой жертвы и взмахнул правой рукой, с зажатой в ней секирой. Второй пикт повернулся, когда секира взвилась и обрушилась на него, расколол ему череп.

Оставшийся пикт — предводитель, схватил алое медное острье своего орлиного пера и с невероятной быстротой напал на киммерийца. Он бросил острье в грудь киммерийца, когда тот вырывал секиру из головы убитого. Киммериец воспользовался своим недюжинным умом и оружием в каждой своей руке. Обрушившаяся секира отбросила острье противника

в сторону, а кинжал в его левой руке распорол раскрашенный живот снизу до верху.

Сложившись пополам и истекая кровью, пикт издал ужасный вопль. Это не был крик страха или боли, это был крик удивления и звериной ярости. Дикий вопль множества глоток ответил ему издалека к востоку от поляны. Киммериец пригнулся как загнанный волк с оскаленными зубами и смахнул пот с лица. Из-под повязки на его левой руке сочилась кровь.

Сдавленно бормоча неразборчивые проклятия, он повернулся и побежал на запад. Он больше не старался скрыть свои следы, но бежал со всей быстротой своих длинных ног, черпая силы из глубокого, почти неистощимого резервуара своей выдержки, что было компенсацией, данной природой за его варварский образ жизни. Некоторое время в лесу позади него было тихо, потом с того места, которое он покинул, раздались резкие, демонические вопли. Итак, его преследователи обнаружили убитых. Впрочем, киммерийцу не хватало дыхания, чтобы проклинать кровь, капающую из вновь открывшейся раны и оставляющую позади него след, который мог бы проследить и ребенок. Он надеялся, что эти три пикта преследовали его на протяжении вот уже сотни миль. И при этом он знал, что эти волки в человеческом образе никогда не оставляют кровавый след.

Теперь все снова было тихо. Это значило, что они бегут за ним, а он не мог остановить кровь, которая выдавала его путь.

Западный ветер дул ему в лицо. Он нес с собой соленую влагу. Это уже близко к морю, значит, преследование его длится намного дольше, чем он думал.

Однако, скоро оно подойдет к концу. Даже его жизненная сила волка истощалась от непрерывного напряжения. Дыхание с трудом вырывалось из его горла и в боку у него кололо. Ноги его дрожали от усталости, а прихрамывающая нога болела при каждом шаге, словно в ее сухожилия вонзали нож. До сих пор он следовал инстинкту дикаря, который был его учителем, каждый нерв и каждый мускул его был напряжен и каждый его трюк служил для того, чтобы выжить. Однако теперь, в своем бедственном положении, им овладел другой инстинкт: он искал такое место, где он, прикрыв спину, мог продать свою жизнь, как можно дороже.

Он не покинул тропу и не нырнул в чащу налево или направо. Он знал, что безнадежно было прятаться от преследователей. Он бежал дальше, а кровь все сочилась, в ушах у него стучало и каждый вдох вызывал боль в его пересохшем горле. Позади него раздался дикий вой. Это значило, что пикты уже почти наступают ему на пятки и рассчитывают вскоре схватить

его. Как голодные волки, они теперь каждый свой прыжок сопровождали диким воплем.

Внезапно деревья кончились. Перед ним находилась каменная стена, которая отвесно поднималась вверх. Взгляд налево и направо сказал ему, что здесь есть только одна скала, которая, как каменная башня, возвышается над лесом. В юности киммериец как коза карабкался по скалам и горам у себя на родине. Может быть, будь он в лучшем состоянии, он смог бы преодолеть эту стену, но теперь, с его ранениями и при его потере крови у него не было никаких шансов на это. Он не взберется выше двадцати или тридцати футов, прежде чем пикты выбегут из леса и пронзят его своими стрелами.

А скала? Может быть, с другой стороны она менее крутая. Тропа, выходящая из леса, поворачивала направо и вела к скале. Он торопливо побежал по ней и увидел, что она ведет между кромками каменных глыб и расколотыми камнями к широкому карниzu, находящемуся возле вершины скалы.

Этот карниз был не более худшим местом, чтобы умереть, чем какое-либо другое место. Мир перед его глазами заволокло красным, но он захромал вверх по тропе, а потом опустился на колени и на четвереньки, зажав кинжал между зубами.

Он еще не достиг выдающегося вперед карниза, как около сорока раскрашенных пиков-дикарей, воя как волки, столпились вокруг скалы. Их вой поднялся до дьявольского крещендо, когда они обнаружили его. Они бегали у подножия скалы, выпуская в беглеца стрелу за стрелой. Стрелы свистели вокруг киммерийца, который упрямо карабкался вверх. Одна стрела вонзилась в его икру. Не останавливаясь, он вырвал ее и отбросил в сторону. На плохо нацеленные стрелы он не обращал внимания. Эти стрелы разбивались о камни вокруг него. Он с яростью перевалился через край карниза и обернулся. Он взял в руки кинжал и секиру и лежа на карнизе, уставил вниз на преследователей. Видны были только его черная грива и горящие глаза. Мощная грудь его быстро вздымалась и спадала, когда он огромными глотками втягивал в себя воздух, однако, потом он вынужден был сцепить зубы, чтобы бороться с подступающей дурнотой.

Над ним просвистело еще несколько стрел. Отряд преследователей понял, что жертва его остановилась. Пики легко прыгали с камня на камень у подножия скалы. Первым крутой части достиг сильный воин, орлиные перья которого были покрашены, и указывали на то, что это был вожак. Он ненадолго задержался внизу у начала вьющейся крутой тропы.

Он положил стрелу на тетиву и наполовину натянул ее. Потом он откинул голову и приоткрыл губы в диком крике триумфа. Но стрела эта так никогда и не была выпущена. Вождь застыл в неподвижности как статуя, и жажда крови в его черных глазах сменилась испуганным удивлением. С ревом он отпрянул назад и далеко вытянул руку, чтобы остановить своих наступающих товарищей. Хотя киммериец на уступе слышал их разговоры, но он находился слишком высоко над ними, чтобы понять смысл выкрикиваемых вождем приказов.

Во всяком случае, всеобщий воинственный рев смолк и все уставились вверх — но не на человека на карнизе, а на скалу. Без дальнейшего промедления они ослабили тетивы своих луков и сунули стрелы в кожаные колчаны у себя на поясах, потом они повернулись, мелкой рысью побежали по тропе, по которой они пришли и исчезли за обломками камней, ни разу не оглянувшись.

Киммериец озадаченно уставился им вслед. Он достаточно хорошо знал пиков, чтобы понять, что преследование прекращено окончательно, и что они больше не вернуться назад. Они, несомненно, уже находились на пути в свои деревни, расположенные на расстоянии около сотни миль на восток.

Но все это казалось ему необъяснимым. Что в его убежище было такого, что заставило военный отряд пиков отказать от своей жертвы, которую они преследовали с настойчивостью голодных волков? Он знал, что это было священное место, которое могло использоваться различными кланами в качестве убежища, и беглецу, который нашел там укрытие от клана, к которому он принадлежал, нечего было бояться. Но другие кланы не придерживались такой же точки зрения на это место. И люди, которые преследовали его так далеко, конечно, не считали святым его, это место, находящееся на таком огромном расстоянии от их дома. Это были люди Орла, чьи деревни находились далеко на востоке, вблизи границ пиков племени Волка.

Волками были именно те, которые взяли в плен киммерийца, когда он, после своего бегства из Аквилонии, исчез в дремучих лесах. И они передали его людям Орла в обмен на находящегося у них в плену вождя племени Волка. У пиков племени Орла были кровавые счеты к огромному киммерийцу. И этот счет стал еще более кровавым, потому что его бегство стоило жизни одному из известных военных вождей. Поэтому они преследовали его так неустанно, через широкие реки и крутые горы, не обращая внимания на то, что они сами становились объектом охоты для враждебных племен.

И теперь, уцелевшие после такого длительного преследования, пикты просто повернули назад, хотя именно в это время жертва их остановилась, и у нее больше не было никакой возможности ускользнуть от них. Киммериец покачал головой. Нет, он не мог этого объяснить.

Он осторожно поднялся, голова у него кружилась от чудовищного напряжения и он был едва в состоянии понять, что травя его прекратилась. Члены его окоченели, раны болели. Он выплюнул сухую пыль и быстрым движением руки протер налитые кровью глаза. Моргая, он осмотрелся вокруг. Под ним длинными, непрерывными волнами тянулась зеленая чаща, а над западным краем повисла сине-стальная дымка, которая, как он знал, должна была теперь висеть над морем. Ветер играл его черной гривой и соленый воздух освежил его. Он большими, поспешными глотками втягивал его в свою распухшую грудь.

Потом он повернулся, выругался от боли в своей кровоточащей икре ноги и осмотрел карниз, на котором стоял. Позади него поднималась крутая каменная стена, увенчанная на высоте футов тридцати высоким каменным гребнем. Ямки для рук и ног, похожие на узкую лестницу, вели вверх. А на расстоянии пары шагов в стене находилась щель, которая была именно такой ширины, чтобы в нее мог пролезть человек.

Он захромал туда, заглянул в нее и быстро выругался. Солнце, высоко стоящее над северным лесом, осветило расщелину. Там находилась туннелеобразная пещера, а в ее конце была довольно большая, окованная железом дверь. Он неверяще прищурил глаза. Эта страна была совершенно дикой. Киммериец знал, что этот западный берег был безлюден на тысячу миль, если не считать деревень диких прибрежных племен, которые были еще менее цивилизованы, чем их родственники, живущие в лесу.

Ближайшим форпостом цивилизации были пограничные селения вдоль реки Грона, в сотне миль к востоку. И киммериец был уверен еще кое в чем: в том, что он был единственным белым, который когда-либо пересекал эти безбрежные леса, находящиеся между рекой и побережьем океана. Однако, эту дверь, несомненно, изготовили отнюдь не пикты.

То, что он не мог объяснить этого, возбудило его недоверие, так что он приблизился к ней полный подозрения, держа в руках топор и кинжал. Когда его глаза привыкли к мягким сумеркам после яркого солнца, которое просачивалось к той двери через специальное отверстие для освещения, он заметил кое-что примечательное. Туннель продолжался также и за дверью, а вдоль его стен громоздились огромные кованые медью и железом, поставленные друг на друга сундуки. Он попытался понять, для чего они здесь. Он нагнулся над одним из них, стоявшим на полу, но крышка сундука

не открывалась. Он уже поднял вверх свой топор, чтобы разбить замок сундука, но вдруг передумал и вместо этого похромал к массивной сводчатой двери. Теперь он был более уверен и его оружие осталось висеть на поясе. Он нажал на дерево, украшенное искусствой резьбой. Дверь открылась без сопротивления.

Но внезапно его уверенность исчезла. С проклятием на губах он отступил назад. Он выхватил свой боевой топор-секиру и кинжал. Мгновение он стоял замерев в угрожающей позе, подобно статуе и вытянув шею, чтобы видеть дверь.

Он заглянул в пещеру, в которой было гораздо темнее, чем в коридоре, но пещера эта была освещена слабым светом, исходящим от большого драгоценного камня на подставке из слоновой кости, стоящей в центре огромного стола из черного дерева. Вокруг него сидели молчащие фигуры, присутствие которых так удивило его в первое мгновение.

Они не пошевелились, не обернулись к нему. Однако, голубой туман, висевший над сводами пещеры на высоте его головы, зашевелился, как будто он был живым.

— Ну, — пробурчал киммериец, — что они там все мертвые что ли?

На его бурчание не последовало ответа. Киммерийца было совсем не так-то легко вывести из себя, но это пренебрежение к его появлению взбесило его.

— Вы могли бы, по крайней мере, предложить мне хотя бы немного вашего вина, — грубо сказал он. — Во имя Крома, вы что считаете, что того, кто не принадлежит к вашему братству, не стоит и принимать дружески? Вы хотите...

Он смолк и молча уставился на эти фигуры, которые так необычно тихо сидели вокруг огромного стола из черного дерева.

— Они не пьяны, — пробормотал он, наконец. — Они вообще не пили. Что, во имя Крома, все это значит?

Он переступил через порог. Голубой туман сейчас же начал двигаться быстрее. Он слился, сгустился и вот уже киммериец вынужден бороться за свою жизнь с огромной черной рукой, которая легла ему на горло.

2. ПИРАТЫ

Большим пальцем ноги в изящной туфельке, Белеза пнула одну из раковин, перевернув ее, и ее розовый край был похож на первый проблеск нового утра над туманным берегом. Хотя утренний рассвет наступил уже давно, но утреннее солнце, гоняющее жемчужно-серый туман над водой, еще не взошло.

Белеза подняла свое лицо с тонкими чертами и взглянула на чуждое сооружение, казавшееся отталкивающим, и некоторые подробности этого сооружения действовали на нее угнетающе. Под ее маленькими ножками простирался коричневый песок, он уходил к пологим волнам, которые терялись в голубой дымке горизонта на западе. Она стояла на южном изгибе широкой бухты, на юге местность заканчивалась низким каменным гребнем, который образовывал южную оконечность бухты. С этого гребня можно было видеть безрадостную гладь воды на юге, тянувшуюся до самого горизонта. То же самое было на западе и на севере.

Повернувшись в сторону суши, она отсутствующим взглядом посмотрела на форт, который уже в течение полутора лет был ее домом. В размытую голубизну неба, полощась, поднималось золотое с алым знамя ее дома. Но красный сокол на золотом фоне не возбуждал никакого воодушевления в ее девичьей груди, хотя он так победно реял после многочисленных побед на юге.

Она видела людей, работающих в саду, и на полях вокруг форта, которые в свою очередь, казалось, с испугом оглядывались на мрачную стену леса, протянувшуюся на север и на юг, насколько хватало глаз. Они боялись этого леса, и вместе с ними, этот страх разделяло каждое маленькое поселение на этом берегу. Этот страх был отнюдь не безоснователен. В шепчущей глубине леса, подстерегала смерть — ужасная смерть, медленная и жуткая — скрывающаяся под военной раскраской, неизбежная и беспощадная.

Она вздохнула и вяло побрела к кромке воды. Каждый день, проведенный здесь, был монотонным и похожим на все другие, и мир городов и поместий полный радости и удовольствий, казался не находящимся за тысячи километров, а затерянным в бесконечной дали прошлого. Она снова задумалась над тем, что побудило графа Зингары бежать на этот дикий берег вместе со своей свитой и челядью, удалившись на тысячи миль от своей страны, что вынудило его сменять дворец своих

предков на эти блокгаузы.

Взгляд Белезы стал мягче, когда она услышала тихие шаги по песку. Девочка, еще ребенок, совершенно обнаженная, бежала к ней от гребня по низкой песчаной прибрежной полосе. Ее волосы цвета льна были мокрыми, они приклеились к ее небольшой головке. Голубые глаза расширились от возбуждения.

— Леди Белеза! — крикнула она, произнося зингарские слова с мягким о菲尔ским акцентом. — О, леди Белеза!

Задыхаясь от бега, малышка делала непонятные жесты. Белеза, улыбаясь, обняла ее рукой, не обращая внимания на то, что ее одежда из ее тонкого шелка промокла. В своей жизни Белеза всю свою нежность дарила этому ласковому существу, этой бедной сиротке, которую она отняла у ее жестокого хозяина во время их долгого путешествия с южных берегов.

— Что случилось, Тина? Сначала переведи дух, ладно?

— Корабль! — крикнула девочка и указала на юг. — Я плавала в пруду, оставшемся на песке после отлива — по ту сторону каменного гребня — и я увидела его! Корабль, плывущий сюда с юга! — дрожа всем телом от возбуждения, она тянула Белезу за руку. При мысли о скором посещении, сердце молодой девушки забилось быстрее. С тех пор, как они высадились на этом берегу, она еще не видела ни одного паруса.

Тина стрелой помчалась впереди нее по желтому песку, огибая глубокие лужи, оставшиеся после прилива. Она вбежала на низкий, волнистый гребень и ожидающе остановилась — стройная белая фигурка с развевающимися волосами и рукой, протянутой к становившемуся уже ярким небу.

— Посмотрите туда, моя леди!

Белеза уже видела его: белый, надутый ветром парус, вздымающийся на расстоянии всего лишь нескольких миль и приближающийся ко входу в бухту. Сердце ее забилось медленнее. Даже самое незначительное происшествие могло внести окраску и возбуждение в ее монотонную жизнь, но и у Белезы было неприятное предчувствие, что этот корабль не принесет им счастья, и что он не случайно появился здесь. На севере не было портов, хотя, конечно, к ледяным берегам можно было приставать, а ближайший порт на юге находился на расстоянии тысячи миль от них. Что привело чужаков в эту бухту Корвельы — так ее дядя называл это место с тех пор, как они здесь высадились.

Тина плотнее прижалась к своей госпоже. Страх исказил черты ее милого личика.

— Кто это может быть, моя леди? — пробормотала она, и удары ветра

вернули краску на ее побледневшие щеки. — Это тот человек, которого боится граф?

Белеза, наморщив лоб, глянула на нее сверху вниз.

— Почему ты говоришь это, детка? Откуда ты знаешь, что мой дядя чего-то боится?

— Так должно быть, — наивно ответила Тина. — Почему же он тогда укрылся в этом диком месте? Посмотри, моя леди, как быстр этот корабль!

— Мы должны сообщить об этом дяде, — пробормотала Белеза. — Рыбачьи лодки еще не вышли в море, поэтому парус не видел еще ни один человек, кроме нас. Берись за дело, Тина. И поспеши!

Девочка побежала вниз по склону, к пруду, в котором плавала, когда заметила корабль. Она подобрала свои сандалии, тунику, а так же пояс, которые были разбросаны по песку. Затем она побежала назад, к гребню, одеваясь на ходу.

Белеза, озабоченно смотревшая на корабль, догнала ее, взяла ее за руку и они вместе поспешили в форте.

Сразу же после того, как они прошли через дверь палисада крепости, прозвучал резкий звук рога и испуганные рабочие в саду и на полях побежали к крепости, так же, как и люди, только что открывшие двери деревянных сарайчиков на боне, чтобы спустить на воду рыбачьи челны.

Каждый находящийся вне крепости, отложил или бросил все, чем он занимался, и не оглядываясь, и не теряя времени на то, чтобы обнаружить причину тревоги, побежал к крепости. Только достигнув ворот, все без исключения люди оглядывались через плечо на темный край леса на востоке.

Они пробегали через ворота и осведомлялись у охранников на подмостках под оградой палисада.

— Почему нас отзвали назад? Что случилось? Пришли пикты?

Вместо ответа, один из скучных на слова охранников указал на юг. С его высокого помоста был виден парус. Люди карабкались на помост и смотрели на море.

Из маленькой обзорной башенки на крыше главного здания — которые, как и все строения внутри ограды палисада, были выстроены из стволов деревьев — граф Валенсо из Корзетты наблюдал за приближающимся парусом, за тем, как он огибает оконечность южного рога бухты. Граф был худым, мускулистым мужчиной лет примерно пятидесяти, у него было мрачное лицо. Его узкие штаны и его куртка были из черного шелка. Единственным, что у него было другого цвета, это сверкающие драгоценные камни на рукоятке его меча и винно-красная

накидка на его плечах. Он нервно крутит свои усы, потом мрачно взглянул на своего мажордома — человека со скучным лицом, одетого в сатин и сталь.

— Что вы думаете об этом, Гальбро?

— Это карака, милорд, — ответил мажордом. — Карака с такелажем и парусами, как у кораблей бараханских пиратов — смотрите, там!

Он почти прокричал свои последние слова. Этот корабль уже обогнул выступ суши и теперь плыл наискось через бухту. Все увидели флаг, который внезапно затрепетал на вершине мачты: черный флаг с контурами алой руки. Люди в форте в испуге уставились на это ужасное знамя. Все глаза теперь повернулись к башне, на которой стоял их угрюмый хозяин в развевающейся накидке.

— Да, это бараханец! — пробурчал Гальбро. — И если мне не изменяет память, это «КРАСНАЯ РУКА» Стромбанни. Что он ищет у наших берегов, таких мрачных и безотрадных.

— Для нас это, несомненно, не значит ничего хорошего, — пробурчал граф.

Взгляд вниз сказал ему, что тяжелые ворота тем временем уже были закрыты, и капитан охраны, вооруженный блестящей сталью, распределял своих людей по постам. Некоторых на бруствер у ограды, других к нижним бойницам. Свои главные силы они разместили вдоль западной части палисада, в центре которой находились ворота.

Сто человек — солдаты, вассалы, крепостные и их семьи — последовали в изгнание вместе с Валенсо. Среди них было сорок опытных воинов, которые уже надели доспехи, нахлобучили шлемы и вооружились мечами, боевыми топорами и арбалетами. Последние были рабочими без кольчуг, но на них были прочные кожаные туники. Они также были сильными, храбрыми людьми, которые могли обращаться с охотничими луками, топорами дровосеков и охотничими копьями. Все они заняли свои места и мрачно глядели на своих заклятых врагов — потому что вот уже больше столетия пираты с Бараханских островов — маленькой группки островков на юго-западе от побережья Зингары — делали жизнь на побережье опасной.

Люди на подмостках наблюдали за каракой, латунные части которой блестели на солнце. Они видели на палубе пиратов и слышали их крики. Вдоль поручней блестела сталь.

Граф покинул башню и приказал своей племяннице и ее подзащитной укрыться в доме. После этого он надел шлем и нагрудные латы, а потом поднялся на подмостки, чтобы взять на себя командование защитой. Его

подданные наблюдали за ним с мрачной покорностью судьбе. Они намеревались продать свои жизни как можно дороже, однако, несмотря на свою сильную позицию, у них едва ли были шансы победить нападавших. Полтора года в этой пустыне, при постоянной угрозе нападения пиктов из темного леса у них за спиной, все время грызли их и сделали пессимистами. Их женщины молча стояли у дверей их деревянных хижин или пытались успокоить детей.

Белеза и Тина смотрели из одного из окон главного дома и молодая женщина почувствовала, как дрожит девочка. Она защищающе обняла ее рукой.

— Они бросили якорь у лодочной станции, — пробормотала Белеза. — Да, вот они бросили его — это на расстоянии примерно трехсот футов от берега. Не бойся, малышка. Они не смогут захватить форт. Может быть, им просто нужны свежая вода и мясо. Или они ведут в этих водах погоню за кем-то.

— Они плывут к берегу в длинной лодке! — воскликнула девочка. — О, моя леди, я так боюсь! Какие огромные мужчины в доспехах! Посмотри же, как блестят на солнце их пики и шлемы! Они нас сожрут?

Несмотря на свой страх, Белеза рассмеялась.

— Конечно, нет! Как ты могла так подумать?

— Зингелито рассказал мне, что бараханцы едят женщин.

— Он только пошутил. Бараханцы ужасны, но они не хуже зингарских ренегатов, которые называют себя каперами. Зингелито однажды был капером.

— Это было ужасно, — пробормотала девочка. — Я так рада, что пикты разбили ему голову.

— Но, девочка! — Белеза передернула плечами. — Ты не должна так говорить. Посмотри, пираты высадились на берег. Они вышли из лодки и теперь один из них едет к форту. Это, должно быть, сам Стромбанни.

— Эй там, в форте! — донес ветер хриплый голос. — Я пришел сюда под белым флагом!

Одетая в шлем голова графа появилась над оградой палисада и его серьезное лицо повернулось в сторону пирата. Пират остановился в пределах слышимости. Это был огромный мужчина без головного убора, с золотистыми волосами, какие иногда появляются в Аргосе. Из всех морских грабителей мало кто был известен так же, как он.

— Говори! — приказал Валенсо. — Хотя у меня нет никакого желания выслушивать людей такого сорта!

Стромбанни улыбнулся губами, но не глазами.

— Когда ваш галеон, в прошлом году во время шторма, недалеко от Транлибеса ускользнул от меня, я не мог даже подумать, что мы встретимся снова на пиктском берегу, Валенсо. Но я уже тогда понимал, куда вы держите путь. Я понял это у Митры и сразу же начал вас преследовать. Я был приятно удивлен, когда некоторое время назад я увидел полошущееся знамя на ветру над фортом и с красным соколом именно там, где я и ожидал, на голом пустынном берегу. Итак, я вас нашел!

— Кого нашли? — фыркнул Граф.

— Не пытайтесь спорить! — этого огромного пирата внезапно прорвало. — Я знаю, почему вы прибыли сюда. И я прибыл сюда потому же. Где ваш корабль?

— Тебе не найти вообще ничего!

— У вас даже больше нет корабля! — с триумфом воскликнул пират. — Я вижу часть мачты галеона на заборе вашего палисада. Вы потерпели кораблекрушение, высадились здесь и теперь, я наконец, получу так долго ускользавшую от меня добычу!

— Проклятье, о чем это ты вообще говоришь! — вскричал граф. — Добыча? Может быть я бараханец, которого можно ограбить? Однако, если бы это и было так, что я мог бы добыть на этом пустынном берегу?

— То, за чем вы пришли сюда! — холодно ответил пират. — То, за чем я прибыл сюда и что намереваюсь забрать, но от меня легко отделаться. Дай мне товар, мы исчезнем и оставим вас в покое.

— Ты должно быть сошел с ума! — проревел Валенсо. — Я пришел сюда в поисках мира и уединения и я наслаждался этим, пока из-за моря не приполз ты, желтокожая собака! Убирайся прочь! Я не хочу больше говорить с тобой, я устал от пустых разговоров. Забери своих негодяев и исчезни!

— Если я и исчезну, то только превратив твой жалкий форт в кучу золы и углей! — яростно проревел пират. — Я спрашиваю в последний раз, хотите вы спасти свою жизнь и выдать мне мою добычу? Здесь вы не получите от меня никакой пощады. У меня с собой сто пятьдесят человек, которые едва могут дождаться, когда им будет позволено перерезать вам горло!

Вместо ответа граф сделал быстрый знак людям за оградой палисада. Сейчас же сквозь бойницу вылетела стрела и ударилась о нагрудный панцирь Стромбанни. Пират яростно закричал и побежал назад, к берегу, а стрелы свистели вокруг него. Его люди взревели и размахивая клинками стали приближаться.

— Проклятая собака! — в ярости воскликнул граф и ударил скверного

лучника по голове своей закованной железной рукой. — Почему ты не попал ему в горло? Будьте наготове, люди! Они идут!

Но Стромбанни добежал до своих людей и остановил их. Пираты растянулись длинной линией, достигающей угла западной части палисада и стали осторожно приближаться, изредка стреляя из луков. Хоть их лучники были лучше зингарских, им при каждом выстреле приходилось выпрямляться. Этим пользовались зингарцы, которые защищенные палисадом, могли со своей стороны выпускать стрелы и болты из арбалетов хорошенъко прицелившись.

Длинные стрелы бараханцев по крутой дуге летели через ограду палисада и дрожа впивались в карниз окна, через которое Белеза наблюдала за боем. Тина вскрикнула, глядя на дрожащее древко стрелы.

Зингарцы не отвечали на обстрел. Они целились тщательно, без ненужной спешки. Тем временем, женщины забрали всех детей в хижины и покорились судьбе, которую уготовили им боги.

Бараханцы были известны своей яростной тактикой нападения, но они были также осторожны, как и быстры, и не так глупы, чтобы гибнуть во время штурма палисада. Растянувшись широкой цепью, они ползли вперед, используя малейшие укрытия, такие как ямы, одиночные кусты, но их было не так уж и много, потому что земля вокруг форта была очищена, чтобы пикты во время своих атак не смогли укрыться здесь.

Когда бараханцы приблизились к форту, защитникам стало легче целиться и попадать в наступающих. Тут и там лежали трупы, латы которых блестели на солнце. Некоторые были пробиты арбалетными болтами, из тел других торчали стрелы, особенно из их незащищенных шей или подмышек. Раненые плавали в лужах крови и стонали.

Пираты были гибкими как кошки, они постоянно перемещались с места на место, и из-за этого постоянного движения представляли из себя плохие мишени, кроме того, латы защищали их. Их непрерывный обстрел угрожал людям в форте и заставляли их нервничать. Несмотря на это, было очевидно, что преимущество было на стороне укрывшихся за стенами зингарцев, пока шла только перестрелка.

Однако, возле ангара для лодок, на берегу пираты работали топорами. Граф яростно выругался, увидев, что они сделали с их лодками, которые его люди соорудили из досок, с таким трудом напиленных из толстых стволов деревьев.

— Они строят передвижной защитный щит, — в ярости воскликнул он. — Нужна вылазка, прежде чем они его изготовят, пока они еще рассыпались по берегу...

Гальбро покачал головой и взглянул на безоружных рабочих с их неуклюжими охотничими копьями.

— Наши стрелы убьют многих, кроме того, мы не можем вступать с ними в рукопашную. Нет, мы должны оставаться за оградой палисада и положиться на свою защиту.

— Великолепно, — пробурчал Валенсо, — но только в том случае, если они не вторгнутся в форт.

Время шло и стрелки с обеих сторон продолжали свою дуэль. Наконец, группа примерно из трех десятков пиратов приблизилась к форту, толкая перед собой гигантский щит, сколоченный из досок лодок и дерева лодочного ангаря. Они нашли арбу и прикрепили ее колеса к щиту; колеса эти были сделаны из дубовых досок. Катя перед собой это тяжелое сооружение, они были защищены от стрел защитников форта, которые могли видеть только их ноги.

Щит все ближе подкатывали к воротам. Растигнувшись цепью, стрелки бежали к щиту, стреляя на бегу.

— Стреляйте! — ревел Валенсо, лицо которого сильно побледнело. — Остановите их прежде, чем они достигнут ворот!

Стрелы свистели над оградой палисада и вонзались в толстое дерево, не причиняя никакого вреда. Насмешливые крики были ответом на этот залп. Стрелы пиратов теперь попадали в бойницы. Одни из защитников пошатнулся и, хрюкнув, со стрелой в горле упал на бруствер.

— Стреляйте в ноги! — крикнул Валенсо, а потом: — сорок человек с пиками и топорами к воротам! Остальные остаются на палисаде!

Песок брызнул у ног пиратов, катящих щит, когда туда ударили арбалетные болты. Пронзительный вой показал, что одна из стрел попала в цель. Один из пиратов показался из-за щита. Он ругался и прыгал на одной ноге, пытаясь вырвать болт из другой ноги. Сразу же в него вонзилась дюжина стрел.

Но пираты с триумфальными криками уже подкатили щит к воротам. Через отверстие в центре щита был просунут таран с железным наконечником, сделанный из одного из стропил разнообразного лодочного ангаря. Ворота затрещали и немного поддались, в то время, как стрелы и болты градом сыпались на нападающих, время от времени, попадая в цель. Однако, морские волки были полны жажды боя.

С громкими криками они раскачивали тяжелый таран, в то время, как их товарищи, не обращая внимания на несколько ослабевший обстрел, устремились к форту со всех сторон, на бегу отвечая на этот обстрел своими стрелами.

Граф, ругаясь вытащил свой меч, спрыгнул с бруствера и побежал к воротам. Отряд его солдат все еще вел беглый обстрел. Каждое мгновение ворота могли поддаться еще Дольше и тогда защитники закроют образовавшуюся в них брешь своими собственными телами.

Тут шум боя перекрыл новый звук: со стоявшего у берега корабля, прозвучал рев трубы. Человек, сидевший на мачте, дико размахивал руками.

Стромбанни услышал его в то мгновение, когда он обхватил руками тяжелый таран. Он покрепче уперся ногами в песчаную почву, чтобы удержать таран, когда он в результате отдачи пойдет назад. Мощные мускулы вздулись на его руках и ногах. Он прислушался, капли пота блестели на его лице.

— Стойте! — проревел он. — Проклятье, да остановитесь же! Вы слышите?

В наступившей тишине звук трубы стал слышен еще лучше и голос проревел что-то, что людям внутри палисада не удалось понять.

Но Стромбанни понял это. Он снова прорычал сопровождаемый проклятиями приказ. Пираты бросили таран, а щит стали оттаскивать от ворот как можно быстрее. Пираты, по которым осажденные в форте снова открыли огонь, быстро помогли подняться своим раненым и торопливо потащили их назад, к берегу.

— Смотри! — крикнула Тина у своего окна, подпрыгивая от возбуждения и нетерпения. — Они бегут! Все! Они бегут к берегу! Смотри они даже бросили свой щит! Они прыгают в шлюпку и гребут к своему кораблю! О, моя леди! Неужели мы их победили и они уходят?

— Я думаю нет, — Белеза взглянула на море, потом снова перевела взгляд на девочку. — Посмотри!

Она отодвинула занавески в сторону и высунулась из окна. Ее звонкий молодой голос перекрывал звуки голосов, недоуменно переговаривающихся друг с другом защитников форта. Она сначала поглядела вверх, потом туда, куда указывала ее хозяйка. Тина удивленно вскрикнула, когда увидела еще один корабль, величественно огибающий южную оконечность бухты. Пока она наблюдала за ним широко открытыми глазами, он поднял королевский флаг Зингары.

Пираты Стромбанни вскарабкались на борт своей караки и стали поднимать якорь. Прежде, чем новый корабль пересек половину бухты, «КРАСНАЯ РУКА» исчезла за северной частью ее оконечности.

3. ТЕМНЫЙ ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Голубой туман сгустился в ужасную темную фигуру, контуры которой расплывались. Она заполняла всю переднюю часть пещеры и скрыла за собой молчаливые фигуры у стола. Конечно, киммериец не был уверен, но ему, казалось, что он видит косматый мех, острые уши и два стоящих друг возле друга рога.

Пока длинная рука, как щупальца сжимало его горло, киммериец мгновенно обрушил на нее свой пиктский топор. От силы удара рукоятка топора сломалась о стену. Однако, насколько он мог видеть, клинок вообще не проник в тело противника. Для того, чтобы ранить демона, недостаточно простого оружия. И когти уже сомкнулись на его горле, чтобы сломать ему шею, словно это была сухая ветка. С тех пор, как Конан боролся с Баалитефом в замке Ханумана в Замбуле, никто больше не схватывал Конана с такой силой.

Когда волосатые пальцы коснулись его кожи, варвар напряг стальные мускулы своей сильной шеи и глубоко втянул голову в плечи; он сделал это для того, чтобы у его сверхъестественного противника было как можно меньше площади для захвата. Он уронил кинжал и сломанный топор, схватив за толстые, черные когтистые пальцы, вскинул обе ноги высоко вверх и изо всех сил ударил пятками по груди чудовища, вытянув свое тело в прямую линию.

Чудовищное сопротивление сильной стопы ноги киммерийца высвободило его из смертельного захвата и сила удара отшвырнула его назад, в туннель, по которому он пришел сюда.

Он упал спиной на твердый каменный пол и, перекувырнувшись, оказался на ногах, не обращая внимания на свои раны. Он был готов бежать или бороться, смотря по тому, что ему предстоит.

Пока он тяжело дыша стоял и, как волк скалил зубы, смотрел на дверь, ведущую в пещеру, он немного пришел в себя и стал ждать, что произойдет дальше. Но ничего не произошло. Потому что едва Конан освободился от захвата чудовища, оно растворилось и стало голубым туманом, из которого оно сгустилось.

Киммериец стоял готовым к прыжку или к тому, чтобы повернуться и помчаться по туннелю. Суеверный страх варвара грыз его. Хотя он и был совершенно бесстрашен, когда дело касалось обычных людей или животных, но все сверхъестественное всегда будило в нем холодный ужас.

Итак, именно поэтому пикты не использовали свои шансы, а вместо этого повернули назад. Собственно он предполагал нечто подобное. Он постарался вспомнить все, что слышал о демонах в своей юности в покрытой облаками Киммерии, а потом во время странствий по большой части цивилизованного мира — и что пережил сам. В то мгновение он не мог вспомнить ни того, ни другого. Но когда этот воздушный дух обрел материальную форму, он увидел все его ограничения. Гигантское неуклюжее чудовище не могло бегать так же быстро, как смертное животное его размеров и очертания. Конан был уверен, что сам он сможет бежать быстрее, чем вот такое чудовище.

Он собрал все свое мужество и с колотящимся сердцем проревел.

— Эй ты, ужасный монстр! Не потрудишься ли ты выйти?

Он не получил никакого ответа.

Голубой туман клубился под сводом пещеры, больше не сгущаясь в демона. Внезапно Конан вспомнил сагу пиктов о демоне, которого заколдовал один колдун, чтобы демон этот убил группу чужеземцев, пришедших из-за моря. Но он запер демона в той же пещере, где он заточил свои жертвы и в которой он убил их, чтобы демон, которого он вызвал из ада, не мог напасть на него и разорвать его на клочки.

Киммериец впервые обратил свое внимание на сундуки, стоящие вдоль стен туннеля...

* * *

В форте граф приказал:

— Быстрее наружу! — он рванул засов ворот. — Уничтожьте щит, прежде чем чужаки высадятся на берег.

— Но Стромбанни бежал! — воскликнул Гальбро. — А новый корабль плывет под флагом Зингары!

— Делай то, что я тебе сказал! — прогремел Валенсо. — Мои враги не только иностранцы. Наружу, собаки! Тридцать из вас должны втащить щит в форте!

Прежде чем зингарский корабль бросил якорь, тридцать самых сильных мужчин подкатили щит к воротам и постарались протащить его в форте.

Тина удивленно спросила из окна главного дома.

— Почему это граф снова запер ворота? Он боится того человека, который находится на корабле?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, детка, — обесццкоено ответила Белеза. Хотя граф был отнюдь не тем человеком, который боится своих врагов, он никогда не говорил, почему он ушел в это добровольное изгнание. Во всяком случае, предположение Тины было беспокоящим и не таким уж и невероятным.

Девочка, казалось, не слышала ее ответа.

— Все люди снова внутри форта, — сообщила она. — Ворота заперты и все вернулись на свои посты. Если новый корабль преследует Стромбанни, почему же он тогда не плывет за ним? Это не военная карака, а обычная галера. Посмотри, лодка с корабля идет к суще. На ее носу сидит человек в черном плаще.

Лодка заскребла по песку. Человек в темной накидке спокойно шагнул на песок, а за ним последовало три его товарища. Он был высок, строен и под его черным плащом блестел черный шелк и сталь.

— Стойте! — прогремел граф, когда они подошли ближе. — Я буду иметь дело только с вашим предводителем!

Высокорослый чужак снял свой шлем и поклонился. Его товарищи остановились и еще плотнее закутались в свои плащи. Моряки позади них, опершись на весла, смотрели на флаг, развевающийся над палисадом.

Когда чужак подошел так близко к воротам, что уже не нужно было кричать, чтобы понять друг друга, он сказал:

— Конечно, между людьми чести не должно быть недоверия.

Валенсо яростно посмотрел на него. У чужака была темная кожа, узкий нос хищной птицы и тонкие черные усы. На его шее, так же, как и на рукавах, были видны тонкие кружева.

— Я знаю вас, — сказал Валенсо, поколебавшись. — Вы корсар, которого зовут Черный Зарон.

Чужеземец снова поклонился.

— Нет также никого, кто не знал бы красного сокола Корзетты.

— Мне кажется, что этот берег является местом встречи негодяев всех южных вод, — пробурчал Валенсо. — Чего вы хотите?

— Но мой лорд, — сказал Зароно порицающим тоном. — Что это за приветствие для того, кто сослужил вам такую большую службу? Разве эта аргосская собака, Стромбанни, не хотел протаранить ваши ворота? И разве он не смазал пятки, когда мы обогнули мыс?

— Это так, — нехотя согласился граф. — Хотя я не вижу разницы между пиратом и корсаром.

Зароно рассмеялся, не чувствуя себя оскорбленным и под крутил усы.

— Вы очень откровенны, мой лорд. Поверьте мне, я хотел только

попросить вашего разрешения бросить якорь в вашей бухте и отправить своих людей на охоту в лес, чтобы обеспечить себя мясом, а также набрать воды. А что касается меня, то я думаю, что вы, может быть, пригласите меня на стаканчик вина.

— Я не знаю, как я могу удержать вас от этого. Но позвольте мне сказать одно, Зароно. В мой форт не войдет ни один из ваших людей. Если один из них приблизиться к нему, хотя бы на сотню футов, он получит стрелу в горло. И я предупреждаю вас, держите подальше руки от моего сада и моего скота. Я дам вам на мясо одного быка, но не больше! И если вы задумаете что-нибудь еще, могу вас заверить, что мы в форте сможем удержаться против ваших людей.

— Против Стромбанни, как мне кажется, вам этого не удалось, — немного насмешливо напомнил ему пират.

— Но вы больше не сможете найти дерева для постройки щита, если только вы не свалите пару деревьев или не возьмете со своего корабля, — свирепо сказал граф. — Кроме того, ваши люди не бараханские лучники и поэтому они не лучше моих. Не говоря уже о том, что та ничтожная добыча, которую вы сможете взять здесь, в форте, не стоит таких хлопот.

— Кто говорит о добыче и о нападении? — возразил Зароно. — Нет, мои люди хотят только снова ощутить землю под ногами, и от однообразного питания на борту грозит вспыхнуть цинга. Вы позволите им высадиться на берег? Я ручаюсь за их хорошее поведение.

Валенсо с неохотой дал согласие. Зароно чуть насмешливо поклонился, и с достоинством, размеренными шагами отошел назад, словно он находился при дворе Кордавы — где он действительно, если слухи не были преувеличеными, когда-то был желанным гостем.

— Не пускай в форт никого, — Валенсо повернулся к Гальбро. — Я не доверяю этим ренегатам. Тот факт, что он прогнал Стромбанни от наших ворот, еще не гарантирует того, что он не перережет нам горло.

Гальбро кивнул. Он конечно, знал о соперничестве и вражде между пиратами и зингарскими корсарами. Пираты большей частью были аргосскими моряками, которые пошли против закона. К исконной вражде между Аргосом и Зингарой здесь добавлялась еще и конкуренция, так как бараханцы и зингарские корсары делали жизнь людей в городах на южном побережье небезопасной и с такой же яростью они нападали друг на друга.

Таким образом, когда корсары вышли на берег, никто из них и не подумал направиться к палисаду. Загорелые парни носили пестрые шелковые одежду и блестящую сталь, на головах у них были платки, а в ушах золотые кольца. Около ста семидесяти человек разбили лагерь на

берегу. И Валенсо заметил, что Зароно установил посты на обоих краях бухты.

К саду они не приближались вообще. Они только взяли быка, на которого Валенсо указал им с палисада, погнали его к берегу и там зарезали. Там был разведен костер, а на берег были вытащены оплетенные бочонки с пивом и откупорены. Другие бочонки корсары наполнили водой из источника недалеко к югу от форта, а несколько мужчин направились в лес. Увидев это, Валенсо почувствовал себя обязанным окликнуть Зароно.

— Не позволяйте своим людям ходить в лес. Возьмите лучше из моего стада еще одного быка, если вам недостаточно мяса. Если ваши люди войдут в лес, может легко случиться так, что пикты убьют их. Незадолго до того, как вы высадились здесь, мы отбили их нападение. С тех пор как мы здесь, они, одного за другим, убили шестерых из наших людей. Однако, в настоящее время между нами вооруженное перемирие, которое висит на волоске.

Зароно бросил заметно испуганный взгляд на темный лес, потом поклонился и сказал.

— Я благодарю вас за предупреждение, мой лорд! — хриплым голосом, составляющим полный контраст с его вежливым тоном разговора с графом, он отзывал своих людей назад.

Если бы взгляд Зароно мог проникнуть сквозь стену леса, он, конечно, вздрогнул бы, увидев мрачную фигуру, которая с нетерпением ожидала там и своими черными свирепыми глазами наблюдала за высадившимися на берег чужаками. Это был жутко разрисованный воин, который за исключением набедренной повязки из кожи диких животных и пера птицы-носорога над левым ухом, был совершенно обнажен.

* * *

С наступлением вечера, с моря на сушу надвинулась тонкая серая стена и затмила небо. Солнце село красное, и его кровавые лучи окрасили верхушки черных волн. Туман все приближался. Он клубился у подножия деревьев и, как дым, вползал в форт. Костер на берегу сквозь его дымку казался кроваво-красным и песни и рев корсаров звучали глухо, словно доносились издалека. Корсары захватили с собой с корабля старый парус и вдоль берега — где на вертелах все еще жарились куски говядины, а пиво постепенно кончалось — была возведена просторная палатка.

Большие ворота форта были крепко закрыты. Солдаты с копьями на

плечах несли охрану на подмостках палисада. Капли тумана блестели на их шлемах. Они, казалось, были мало обеспокоены костром на берегу позади себя и все свое внимание сконцентрировали на лесе, который казался сквозь туман всего лишь нечеткой темной линией. Двор форта был безлюден. Сквозь щели хижин слабо мерцали свечи и свет струился из окон главного здания. Не было слышно ничего за исключением шагов охранников, стука капель воды, падающих с крыш и далекого пения пиратов.

Последнее слабо доносилось в большой банкетный зал, где граф Валенсо с его незваным гостем сидели за бутылкой вина.

— Ваши люди действительно рады, — пробурчал граф.

— Они рады снова ощутить землю под ногами, — ответил Зароно. — Это было долгое путешествие для меня, упорная охота, — он чокнулся с молодой женщиной и сделал глоток.

Вдоль стен стояла обслуга — солдаты в шлемах, лакеи в застиранных ливреях. Поместье Валенсо в этой дикой стране было всего лишь жалким подобием его двора в Кордаве.

Главный дом, как он любил его называть, без сомнения в этом окружении был настоящим чудом. Сто человек работали день и ночь, возводя его. Хотя его фасад был сделан из безыскусных бревен, так же, как и все остальные хижины в форте, но внутри он напоминал дворцы Корзетты — насколько это было возможно. Бревна внутренних стен были скрыты за шелковыми занавесями, расшитыми золотом. Обработанные и отполированные до блеска корабельные балки образовывали высокий потолок. Ковры покрывали пол, а широкая лестница вела вверх и ее массивные перила были раньше перилами на корабельной палубе.

Огонь в широко открытом камине прогнал леденящий холод ночи. Свечи в великолепных серебряных подсвечниках, стоящие на большом столе из красного дерева, освещали помещение и бросали длинные тени на лестницу.

Граф сидел во главе стола, его племянница сидела справа от него, а мажордом слева. Кроме того, за столом находились еще начальник охраны и корсар Зароно. Это маленькое общество занимало стол, за которым могло разместиться человек пятьдесят и от этого он казался еще больше.

— Вы преследуете Стромбанни? — осведомился Валенсо. — Как давно вы его преследуете?

— Да, я преследую Стромбанни, — рассмеялся Зароно. — Но он не уйдет от меня. Он ищет то же, что нужно и мне.

— Что могут пираты и корсары искать в этой голой стране? —

пробормотал Валенсо и посмотрел на играющее вино в своем бокале.

— Что могло привлечь сюда графа из Зингары? — спросил Зароно.

— Разложение королевского двора может заставить поступиться честью любого человека.

— Честные корзетты выносят его вот уже на протяжении нескольких поколений, — сказал Зароно без всяких обиняков. — Мой лорд, утолите мое любопытство — почему вы продали свое поместье, нагрузили ваш галеон скарбом из вашего двора, а потом просто исчезли из поля зрения короля и знати Зингары? И почему вы осенили именно здесь, если ваше имя и ваш меч могли обеспечить вам власть в какой-нибудь цивилизованной стране?

Валенсо играл золотой цепочкой, висевшей у него на шее.

— Почему я покинул Зингару, — сказал он, — это только мое дело. То, что я обосновался здесь — это чистая случайность. Я всех своих людей высадил на берег, а также выгрузил все упомянутые вами вещи, чтобы некоторое время пробыть здесь. К моему прискорбию, мой корабль, стоявший на якоре в бухте, бросило на скалы северной ее оконечности и разбило вдребезги. Все это сделал неожиданно налетевший с моря штурм. Такие штормы в некоторые времена года здесь случаются весьма часто. Поэтому мне ничего не оставалось как только остаться здесь и устроиться получше.

— Итак, если у вас будет возможность, вы снова вернетесь к цивилизации?

— Но не в Кордаву. Может быть, в дальние страны, в Вендию или даже Кхитай...

— Здесь не слишком скучно для вас, моя леди? — Зароно в первый раз обратился непосредственно к Белезе.

Желание увидеть, наконец, хоть одно новое лицо и услышать хоть один новый голос, пригнало девушку в банкетный зал, однако теперь ей хотелось оказаться в ее комнате вместе с Тиной. В значении взгляда Зароно нельзя было ошибиться. Хотя речь его была холеной, тон вежливым, а лицо его серьезным и благородным, но это была только маска, сквозь которую она видела властолюбивый и угрюмый характер этого человека.

— Здесь очень мало разнообразия, — ответила она.

— Если бы у вас был корабль, — без обиняков спросил Зароно у своего хозяина, — покинули бы вы тогда форт?

— Может быть, — ответил граф.

— У меня есть корабль, — сказал Зароно. — Если мы придем к соглашению...

— Соглашению? — Валенсо поднял голову и недоверчиво взглянул на гостя.

— Я удовлетворюсь только некоторой долей, — объяснил Зароно. Он быстро забарабанил пальцами по столу. Они были похожи на какого-то отвратительного паука. Было заметно, что они дрожали и глаза корсара сверкали от возбуждения.

— Доля чего? — Валенсо, заметно удивленный, уставился на него. — Деньги, которые я захватил с собой, утонули вместе с моим кораблем и в отличие от разбитого дерева, их не выбросило на берег.

— Нет, не это! — жесты Зароно стали нетерпеливыми. — Не будем втириать друг другу очки, мой лорд. Вы утверждаете, что только случайно вы высадились именно здесь, хотя вы могли выбрать тысячу других мест на этом побережье?

— Я не вижу никаких оснований для того, чтобы утверждать, — холодно ответил Валенсо. — Мой рулевой Зингелито раньше был корсаром. Он знал эти берега и посоветовал высадиться мне именно здесь. Он сказал мне, что у него на это есть основания, о которых он расскажет мне позже. Но он так и не сделал этого, потому что еще в день нашего прибытия сюда он исчез в лесу. Позже мы нашли его обезглавленный труп. Очевидно, его убили пикты.

Зароно некоторое время пристально смотрел на графа.

— Ну хоть что-то! — сказал он, наконец. — Я верю вам, мой лорд. Корзетты не искусны во лжи, какими бы другими способностями они не обладали. Я делаю вам предложение. Должен признаться, что бросая якорь в этой бухте, я имел совсем другие планы. Я считал, что вы уже заполучили драгоценности, и я намеревался хитростью или силой захватить этот форт и перерезать горло всем находящимся здесь. Но обстоятельства сложились так, что мне пришлось изменить свои намерения... — он посмотрел на Белезу взглядом, от которого у нее покраснели щеки, и она постаралась придать своему лицу высокомерное выражение. Зароно, как ни в чем ни бывало, продолжил:

— У меня есть корабль, который вам пригодится для того, чтобы убраться отсюда вместе со своей семьей и парой других людей, которых вы берете. Другим, может быть, придется выбираться отсюда своими силами.

Обслуга вдоль стены незаметно и озабоченно обменялась взглядами. Зароно заметил это, но ничем не показал.

— Однако, сначала вы должны мне помочь найти сокровища, за которыми я плыл за многие тысячи миль.

— Во имя Митры, какие сокровища? — рассержено спросил граф. —

Теперь вы говорите, как эта собака Стромбанни.

— Вы когда-нибудь слышали о Кровавом Траникосе, величайшем из бараханских пиратов?

— Кто же о нем не слышал? Он был тем, кто ворвался в крепость на острове, где находился в изгнании принц Стигии Тотмекри, убил там всех людей и похитил сокровища, которые принц прихватил с собой, бежав из Кемы.

— Верно. Это известие о драгоценностях, как падаль стервятников, привлекло людей всего Красного Братства — пиратов, буканьеров и даже свободных корсаров со всего юга. Траникос, опасаясь предательства со стороны своих людей, бежал на север на своем корабле и больше никто никогда его не видел. Это произошло всего около ста лет назад.

Но согласно слухам, один из его людей пережил это путешествие и снова вернулся на Бараханские острова, однако, его корабль захватила боевая зингарская галера. Но прежде чем его повесили, он рассказал свою историю и своей кровью нарисовал на пергаменте карту. Как-то, через кого-то, ему удалось передать ее кому-то. Он рассказал следующее:

Траникос удалился далеко в неизведанные воды и, найдя на пустынном берегу одинокую бухту, бросил там якорь. Он сошел на берег, взяв с собой драгоценности и одиннадцать человек, которым он доверял больше всего. По его приказу, корабль крейсировал вдоль берега, а примерно через неделю снова должен был вернуться в бухту, чтобы забрать на борт Траниcosa и его людей. А тем временем, Траникос хотел спрятать драгоценности где-то поблизости. Корабль в условное время вернулся, но нигде не было никаких следов Траниcosa и его людей, если не считать примитивной хижины, стоящей на берегу.

Эта хижина была уничтожена, а вокруг нее были четко видны отпечатки голых ног, однако ничто не указывало на то, что здесь произошел бой. Не было также никаких следов драгоценностей, ни тайника. Пираты отправились в лес на поиски своего предводителя. С ними был боссонец, который мог великолепно читать следы, потому что раньше был лесным жителем и смог обнаружить следы ушедших на старой тропе. Они вели на восток на многие мили. Когда пираты после долгого похода так и не обнаружили Траниcosa и изрядно устали, один из пиратов влез на дерево. Человек этот сообщил, что впереди, недалеко отсюда из леса, как башня поднимается скала. Они направились к этой скале, однако на них напал отряд воинов-пиктов и вынудил их вернуться к кораблю. Прежде чем они вернулись на Бараханские острова, сильный шторм разбил корабль и в живых остался только один человек.

Эта история о драгоценностях Траникоса, которые напрасно ищут уже целое столетие. Известно, что существует карта, но где она находится — неизвестно.

Мне было позволено взглянуть на эту карту. Со мной были Стромбанни, Зингелито и один немедиец, примкнувший к бараханцам. Мы видели ее в Мессантии, где мы, замаскировавшись, провели недурной вечерок. В одном из кабаков, где мы кутили, кто-то столкнул лампу и кто-то закричал в темноте. Когда свет зажгли снова, старому скряге, которому принадлежала эта карта, воткнули в сердце нож. Карта исчезла и вбежала охрана со своими копьями, чтобы выяснить кто и почему кричал. Мы поняли, что нам пора убираться, и каждый из нас ушел своим собственным путем.

В течении года, я и Стромбанни выслеживали друг друга, потому что каждый из нас думал, что карта находится у другого. Ну, теперь ясно, что это не так. Но совсем недавно я услышал, что Стромбанни поплыл на север и я последовал за ним. Вы оказались концом этой погони.

Как я уже говорил, я только мельком видел эту карту, когда она лежала на столе перед стариком, но поведение Стромбанни доказывает, что он считает, что это именно та самая бухта, где высадился Траникос. Я думаю, Траникос спрятал свои драгоценности на скале, которую увидел наблюдатель пиратов, или возле нее. Однако на обратном пути на них напали пикты и убили их. Во всяком случае, пикты не завладели драгоценностями, потому что иначе эти драгоценности появились бы где-нибудь. Все-таки уже много торговцев подходило к этим берегам и вело меновую торговлю с прибрежными племенами. Но никто из этих племен не предлагал ни золота, ни драгоценных камней.

А теперь вот мое предложение: мы хотим, чтобы вы сотрудничали с нами. Если мы будем сотрудничать, мы сможем их разыскать. Мы сможем начать поиски и у нас в форте останется достаточно людей, чтобы продержаться, если на нас нападут. Я совершенно уверен, что тайник находится неподалеку. Мы найдем его, погрузим драгоценности на мой корабль и поплыем к одной из дальних гаваней, где я смогу золотом стереть память о своем прошлом. Я не хочу такой жизни. Я хочу вернуться назад, к цивилизации и жить как богатый человек, в изобилии, с многочисленной прислугой и с женой благородной крови.

— Ах так? — граф, полный подозрений, поднял брови.

— Отдайте мне в супруги вашу племянницу, — без обиняков потребовал корсар.

Белеза вскрикнула и возмущенно вскочила. Валенсо тоже поднялся,

лицо у него побелело. Его пальцы судорожно стиснули бокал, словно он намеревался запустить его в голову своему собеседнику. Зароне не пошевелился. С руками на столе, с пальцами, вытянутыми и согнутыми как когти, он сидел совершенно неподвижно. Но глаза его блестели страстью и угрозой.

— Как вы могли отважиться... — воскликнул Валенсо.

— Вы, кажется, забыли, что вы уже вылетели из седла, граф Валенсо — пробурчал Зароне. — Мы здесь не при дворе Кордавы, мой лорд. На этом пустынном берегу нужно сменить благородство на мускульную силу и оружие — а уж об этом-то я позаботился. Чужой живет в вашем дворце в Корзете, а все ваше состояние лежит на дне моря. Если я не предоставлю в ваше распоряжение свой корабль, вы весь остаток жизни проведете на этом берегу как отшельник.

Вам не придется раскаиваться в породнении между нашими домами. Под новым именем и с новым богатством, Черный Зароне начнет свою жизнь среди дворянства этого мира, и вы получите зятя, которого вам не придется стыдиться в Корзете.

— Вы сошли с ума! — граф рассержено вскочил. — Вы... что это?

Это был перстук легких ножек. В банкетный зал вбежала Тина. Она рассеянно сделала реверанс и поспешила к столу, чтобы вцепиться своими пальцами в пальцы Белезы. Она тяжело дышала, ее щеки были мокрыми и ее льняные волосы приклеились ко лбу.

— Тина! Как ты здесь оказалась? Я думала, что ты находишься в своей комнате!

— Так это и было, — ответила девочка, переведя дыхание. — Но я потеряла нитку кораллов, которую вы мне подарили... — она подняла ее вверх. Это было не ценное украшение, но она любила его больше, чем все остальные вещи, потому что это был первый подарок Белезы. — Я боялась, что вы не позволите мне ее искать, если вы об этом узнаете. Жена одного солдата помогла мне выйти из форта и снова вернуться назад. Но только прошу вас, моя леди, не требуйте от меня, чтобы я назвала ее имя. Я обещала, что не выдам ее. Я нашла нитку на берегу пруда, где плавала сегодня утром. Накажите меня, если я сделала что-то плохое.

— Тина! — простонала Белеза и прижала девочку к себе. — Я тебя еще никогда не наказывала. Но ты не должна покидать форт, на берегу расположились корсары и все еще существует опасность, что пираты подберутся к форту. Идем, я отведу тебя обратно снять мокрую одежду...

— Да, моя леди, — пробормотала Тина. — Но сначала позвольте мне рассказать о черном человеке.

— Что? — сорвалось с губ графа Валенсо. Бокал выскользнул из его пальцев и со звоном разбился о пол. Он обеими руками вцепился в крышку стола. Его фигура согнулась, словно в нее попала молния. Лицо его мертвенно побледнело, глаза запали глубоко в глазницы.

— Что ты сказала, девочка? — задыхаясь произнес он. Он так грозно и дико глянул на девочку, что та испуганно прижалась к Белезе. — Что ты сказала?

— Черный человек, мой лорд, — произнесла Тина, в то время как Белеза, Зарено и обслуга обеспокоено смотрели на графа. — Когда я бежала к пруду, чтобы найти свою ниточку жемчуга и кораллов, я увидела его. Ветер дул и жутко стонал, а море кипело словно от страха — и тут появился он. Он приплыл на странной черной лодке, окруженной голубыми струями пламени, которые, конечно, не были факелами или лампами. Он вытащил свою лодку на берег около южного рога бухты и зашагал к лесу. В тумане он казался гигантом — высокий, сильный человек, темный, как каштит...

Валенсо пошатнулся, словно ему нанесли смертельный удар бичом. Он схватился за горло и Поспешно сорвал золотую цепь. С выражением лица сумасшедшего, он затолкал ее в карман и вырвал девочку из объятий Белезы.

— Ты маленькое чудовище! — прокаркал он. — Ты лжешь. Ты слышала, как я говорил во сне, и теперь ты лжешь, чтобы помучить меня. Признайся, что ты лжешь, пока я не оторвал твою голову от плеч!

— Дядя! — воскликнула Белеза испуганно и возбужденно и попыталась освободить Тину от хватки графа. — Вы в своем уме? Что все это значит?

Он с ворчанием оторвал ее пальцы от своей руки, повернулся и толкнул ее так, что она споткнувшись оказалась в руках Гальбро, который смотрел на нее с нескрываемым любопытством.

— Пощадите, мой лорд, — всхлипнула Тина. — Я не солгала вам!

— А я говорю, что ты лжешь! — прогремел Валенсо. — Гобелез!

Вызванный слуга равнодушно схватил ребенка и сорвал платье с ее спины. Он поднял Тину и повернув ее, завернул ее тонкие ручонки за спину и снова поднял ее, бьющуюся и молотящую ногами во все стороны, с пола.

— Дядя! — закричала Белеза и постаралась защититься от захвата Гальбро, в котором была заметна страсть. — Вы, должно быть, сошли с ума! Не можете же вы... О, не можете же вы... — крик придушенно застрял в ее горле, когда Валенсо потянулся за бичом из воловьей кожи с

украшенной камнями рукояткой и с дикой яростью так хлестнул девочку по спине, что между ее голых лопаток появилась красная полоса.

Крик Тины пробрал Белезу до самых костей. Ей стало плохо. Мир перед ней внезапно затрещал по всем швам. Как в кошмаре она видела лица солдат и слуг, но в выражении их не было никакого сочувствия. Надменное лицо Зарено тоже было частью этого кошмара. Она почти ничего не видела в этом кровавом тумане, который надвинулся на нее. Она только и видела белое тело Тины, спина которой до самой шеи была покрыта красными полосами, крест-накрест пересекающими друг друга и не слышала ничего, кроме ее криков боли и тяжелого дыхания Валенсо, когда он сумасшедшими глазами избивал ее и ревел.

— Ты лжешь! Проклятье, ты лжешь! Поклянись, что ты лжешь, или я оторву тебе голову. Он не может преследовать меня здесь!

— Пощадите, мой лорд, молю вас! — визжала девочка. Она напрасно пыталась спрятаться за широкие спины слуг. От боли и отчаяния она не подумала о том, что ложь могла спасти ее. Кровь красными жемчужинами скатывалась по ее ногам. — Я видела его! Я не лгу! Пощадите! А-а-а-а!

Разум, казалось, вновь вернулся к Валенсо. Он выронил бич и опустился на край стола, за который он так слепо держался. Казалось, на него накатился приступ лихорадки. Его волосы мокрыми прядями приклеились ко лбу и пот блестел на его лице, которое превратилось в маску ужаса. Гобелез отпустил Тину и она жалким плачущим комочком опустилась на пол. Белеза вырвалась из рук Гальбро. Она, рыдая, побежала к девочке и опустилась на колени возле нее. Она прижала ее к себе и с рассерженным выражением взглянула на дядю, чтобы потрясти его праведным гневом. Но он даже не взглянул в ее сторону. Он, казалось, забыл о ней и о своей жалкой жертве. Она не поверила своим ушам, как он сказал Виллирсу.

— Я принимаю ваше предложение, Зарено. Во имя Митры, мы разыщем эти проклятые сокровища и исчезнем с этого дьявольского берега.

При этих словах огонь ее гнева превратился в золу. Не способная больше сказать ни слова, она подняла плачущую девочку на руки и понесла ее вверх по лестнице. Бросив взгляд через плечо, она увидела, что Валенсо сидит за большим столом и вливает в себя вино из огромного бокала, держа его дрожащими руками, а Зарено, как стервятник, пригнувшись, стоит перед ним. Очевидно, он тоже был ошеломлен происшествием, но он также готов был использовать эту перемену настроения графа. Он говорил с ним тихо, но твердым голосом, и Валенсо тупо кивал, словно он едва

слышал, что ему говорят. Гальбро задумчиво стоял в тени, обхватив пальцами подбородок, а слуги вдоль стен украдкой переглядывались друг с другом, пораженные надломом своего господина.

Войдя в комнату, Белеза положила наполовину потерявшую сознание девочку на кровать и стала промывать кровавые полосы на спине, затем стала мазать смягчающим боль маслом. Тина слабо всхлипывала, однако не сопротивлялась нежным рукам своей госпожи. Белезе показалось, что мир рухнул. Она чувствовала себя жалкой и дрожала от последствий шока, вызванного ужасными переживаниями. Она боялась своего дяди и ярости, проснувшейся в его сердце. Она никогда не любила его.

Он был строг, не проявлял никаких теплых чувств и, кроме того, был скончен и алчен. Однако, по крайней мере, до сих пор она считала его справедливым и храбрым. Она содрогалась от отвращения, вспоминая его помутневшие глаза и искаженное побелевшее лицо. Что-то до потери сознания испугало его. Почему-то он считал существа, запавшее ему в сердце, таким ужасным, что решил продать свою племянницу этому печально известному морскому грабителю. Что скрывалось за этим сумасшествием? Кто был тот черный человек, которого видела Тина? Девочка бормотала в полуబреду.

— Я не лгала, моя леди! Я действительно не лгала! Я видела черного человека на черной лодке, которая держалась на голубом огне. Это был очень большой человек, темный, почти как кашит, и на нем был черный плащ. Я так испугалась, когда увидела его, что у меня кровь застыла в жилах. Он вышел из лодки, вытащил ее на берег и отправился в лес. Почему граф избил меня только за то, что я видела этого человека?

— Тсс, Тина, — Белеза попыталась успокоить девочку. — Лежи тихо и боль пройдет.

Дверь позади нее открылась. Белеза выпрямилась и схватила украшенный драгоценными камнями кинжал. На пороге стоял граф Валенсо. При взгляде на него, у нее по спине пробежали мурашки. Он, казалось, постарел, его лицо было серым и напряженным, в его глазах был страх. Он никогда не был близок ей, однако теперь, она чувствовала, что их разделяет чудовищная пропасть. Тот, кто стоял перед ней, теперь не был ее дядей, он был чужаком, который пришел ее мучить.

Она подняла кинжал.

— Если вы еще раз поднимите на нее руку, — прошептала она. — Я воткну клинок вам в сердце, клянусь Митрой!

Он вообще не обратил внимания на ее слова.

— Я поставил охрану вокруг главного дома, — сказал он. — Завтра

Зароно приведет в форт своих людей. Он не покинет бухту, пока не найдет сокровища. Как только он найдет их, мы отплываем. Куда поплыvем — решим по пути.

— И вы хотите продать меня ему? — прошептала она. — Во имя Митры...

Он бросил на нее мрачный взгляд. Она отшатнулась от него, потому что прочла в его лице бессмысленный ужас, от которого этот человек почти сошел с ума. Но почему? Это было загадкой.

— Ты сделаешь то, что я тебе прикажу, — сказал он, и в голосе его чувствовалось не больше, чем в звоне оружия. Он повернулся и покинул комнату.

Белеза бессильно опустилась на кровать Тины.

4. ЧЕРНЫЙ БАРАБАН ГРЕМИТ

Белеза не знала, как долго она была без сознания. Затем она почувствовала на себе руку Тины и услышала ее рыдания. Она встала и взяла девочку на руки. Сухими глазами она невидяще уставилась на мерцающее пламя свечи. В доме было совершенно тихо. Даже корсары на берегу больше не пели. Тупо, почти против своей воли, она начала думать над этой проблемой.

Совершенно очевидно известие о появлении этого таинственного черного человека повергло Валенсо в состояние, близкое к сумасшествию. Чтобы ускользнуть от этого черного человека, он хотел оставить форт и бежать вместе с Зароно. В этом не было никакого сомнения. Было также ясно, что он был готов пожертвовать ей, чтобы получить возможность бежать. Она не видела для себя никакого проблеска. Слуги и солдаты были бесчувственными, тупыми созданиями, а их жены ограниченными и равнодушными. Они не отваживались помочь ей, они вообще не хотели делать этого. Она была совершенно беспомощна.

Тина подняла заплаканное лицо, словно прислушиваясь к какому-то внутреннему голосу. Понимание ребенком отчаянных мыслей было почти невероятно, так же, как и понимание ее ужасной судьбы и единственного пути к бегству, который у нее еще оставался.

— Мы должны бежать отсюда, моя леди! — всхлипнула девочка. — Зароно не должен получить вас. Уйдем в лес и будем идти, пока не устанем. Потом мы ляжем и умрем вместе.

Трагическая сила последнего пути бегства наполнило все существо Белезы. Это был единственный выход из страны теней, в которую она погружалась все глубже и глубже со временем их бегства из Зингары...

— Да, так мы и сделаем, моя девочка.

Она поднялась, нашупала свой плащ, затем обернулась, услышав тихий зов Тины. Девочка, напрягшись, стояла перед ней. Она прижала пальцы к губам, а ее глаза расширились от страха.

— Что случилось, Тина? — искаженное страхом лицо девочки заставило Белезу непроизвольно снизить голос до шепота и ледяная рука скжала ее сердце.

— Кто-то там в коридоре, снаружи, — прошептала Тина, схватив Белезу за руку. — Он остановился перед нашей дверью, потом тихо скользнул дальше, к комнате графа в другом конце коридора.

— Твои уши слышат лучше, чем мои, — пробормотала Белеза. — Но это ничего не значит. Вероятно, это был сам граф или Гальбро.

Она хотела открыть дверь, но Тина обвила руками ее шею и Белеза почувствовала, как бешено бьется сердце этой маленькой девочки.

— Нет, моя леди! Не открывайте дверь. Я так боюсь. Я не знаю почему, но я чувствую, что по близости находится что-то недоброе!

Находясь под впечатлением слов девочки, Белеза обняла одной рукой Тину, а другую потянула к маленькому металлическому кружку, закрывающему крошечное смотровое отверстие в центре двери.

— Он возвращается! — прошептала Тина. — Я слышу его!

Теперь Белеза тоже кое-что услышала — странные скользящие шаги, которые не могли принадлежать никому из тех людей, кого она знала: она знала также, что это был не Зароно, который носил сапоги. Теперь и ее наполнил непреодолимый страх. Может быть, это корсар шел босиком по коридору, чтобы убить во сне своего гостеприимного хозяина? Она вспомнила о солдатах, которые несли охрану внизу. Даже если корсару удалось пробраться в комнаты главного дома, Валенсо, несомненно, поставил охрану перед дверью своей комнаты. Но кто же, в таком случае, крался по коридору? Кроме нее, Тины, графа и Гальбро никто не спал в верхнем этаже.

Торопливым движением она погасила пламя свечи, чтобы свет не мог проникнуть в смотровое отверстие, когда она сдвинет в сторону металлический кружок. В коридоре не было никакого света, хотя обычно он был всю ночь освещен светом свечей. Кто-то двигался вдоль темного коридора. Она, скорее почувствовала, чем увидела, как размытая фигура скользнула к ее двери. Она различила только, что это был мужчина. Ледяной ужас охватил ее. Она непроизвольно пригнулась и не могла произнести ни звука, хотя крик вот-вот должен был сорваться с ее губ. Это был не тот ужас, который она теперь испытывала перед дядей, это был не такой страх, который она испытывала перед Зароно, это был не такой страх, который нагонял на нее темный лес. Это был слепой, необъяснимый ужас, который стиснул ее сердце и парализовал язык.

Фигура скользнула дальше к лестнице, где она быстро пересекла полоску слабого света, струящегося снизу. Несомненно это был мужчина, но не из тех, кого она знала. На мгновение она увидела гладко выбритую голову и лицо, с резкими чертами хищной птицы. Кожа незнакомца была коричневого цвета и блестящей, намного темнее, чем у тоже далеко не светлокожих людей из прибрежных племен. Голова его была посажена на широкие, сильные плечи, на которые был накинут черный плащ. И чужак

уже исчез.

Белеза затаила дыхание и стала ждать оклика солдат, находящихся в банкетном зале, которые должны были увидеть незнакомца. Но в главном доме все было тихо. Вдали стонал ветер. И все еще ничего не было слышно.

Руки ее были влажны от страха, когда она нашупала свечу, чтобы снова зажечь ее. Она все еще дрожала от ужаса, хотя она не могла сказать, что было такого ужасного в этой черной фигуре, которую осветил красноватый отсвет огня в зале внизу. Она знала только, что его вид лишил ее всякого мужества и недавно обретенной решимости.

Свеча замерцала и осветила бледное лицо Тины.

— Это был черный человек! — прошептала девочка. — Я знаю это! Моя кровь застыла теперь так же, как и тогда, когда я увидела его на берегу. Однако, там внизу солдаты, как же они не заметили его? Нужно ли нам сообщить графу об этом?

Белеза покачала головой. Она не хотела, чтобы снова повторилась та сцена, которая последовала за первым упоминанием Тины о черном человеке. И, кроме того, она теперь не отваживалась выйти в коридор.

— Теперь мы не можем бежать в лес, — голос Тины дрожал. — Он подстерегает нас там!

Белеза не спросила, откуда девочка знает, что черный человек остался в лесу, потому что, в конце концов, лес был естественным укрытием всего зла, человеческого и сверхъестественного. И она знала, что Тина была права. Теперь она не могла отважиться покинуть форт. Она теперь не могла решиться уйти из жизни по своей собственной воле. Она беспомощно опустилась на край кровати и закрыла лицо руками.

Тина наконец заснула. Слезы блестели на ее ресницах. Она беспокойно металась от боли. Белеза осталась сидеть.

* * *

Под утро Белеза осознала, что воздух стал невероятно тяжелым и душным. С моря доносился глухой рев и грохот. Она задула почти полностью сгоревшую свечу и подошла к окну, откуда ей было видно море, а также часть леса.

Туман рассеялся и на восточном горизонте появилась узкая, бледная полоска, первый признак рассвета. Но на западе над морем собралась темная масса облаков. Молнии пронизывали ее, гремел гром, совершенно неожиданно отдававшийся в темном лесу.

Испуганная Белеза сосредоточила свое внимание на темной стене леса. Оттуда до ее ушей доносился странный, ритмично пульсирующий звук, который, несомненно, не был боем барабанов пиктов.

— Барабан! — всхлипнула Тина. Она судорожно стиснула и расслабила пальцы во сне. — Черный человек... в черном... бьет в черный барабан... в черном лесу! О, Митра, защити нас!

Белеза содрогнулась. Темная туча на западном горизонте изменялась, клубилась, вспухала, расширялась. Береза удивленно наблюдала за ней. В прошлый год в это время здесь не было штормов и такой тучи, как эта, она никогда не видела.

Туча эта приближалась с края мира гигантской массой пульсирующей черноты, пронизываемой голубыми молниями. Казалось, что ветер вспушил самое ее нутро. Ее гром заставлял содрогаться воздух. Потом к ужасному гому примешался другой, не менее ужасный звук — голос ветра, мчащегося вместе с ней. Чернильно-черный горизонт разрывали и искали молнии. Она увидела, как далеко в море вздымаются волны, увенчанные короной пены. Она слышала жуткий грохот, который по мере приближения тучи становился оглушающим.

Однако, на берегу еще не было ни ветерка. Духота была чудовищной. Каким-то образом разница между приближившимся буйством сил природы и давящей тишиной здесь казалась нереальной. Внизу в доме с хлопаньем закрыли ставни и какая-то женщина высоким голосом вскрикнула от страха. Однако, большинство людей в форте,казалось, спали и не замечали приближающегося шторма.

Как ни странно, но таинственный грохот барабана в лесу все еще был слышен. Белеза посмотрела на темный лес и почувствовала, как у нее по спине побежали мурашки. Она ничего там не видела, однако, перед ее мысленным взором была ужасная черная фигура, которая присев под темными деревьями и бормоча заклинания, била в странный барабан.

Белеза отогнала эту призрачную картину и снова посмотрела на море, где молнии разрезали небо. В их коротких ослепительных вспышках она видела мачты корабля Зарено, палатки пиратов на берегу, песчаный гребень южного рога, бухты и скалы северного рога. Все это было видно как при свете солнца. Вой ветра становился все громче и теперь проснулись люди в главном доме. По лестнице затопали ноги, и в громком голосе Зарено слышались нотки страха. Распахнулись двери и ему ответил Валенсо. Он должен был реветь, чтобы его можно было понять.

— Почему меня не предупредили об этом шторме с запада? — свирепо проревел корсар. — Если сорвет с якоря...

— В это время с запада еще никогда не приходили штормы! — проревел Валенсо, выбегая из своей комнаты с побелевшим лицом, растрепанными волосами и в ночной рубашке. — Это работа... — следующие слова были заглушены топотом ног, когда он взбежал по лестнице на башню обзора, корсар следовал за ним по пятам.

Белеза испуганно присела у своего окна. Ветер ревел все сильнее, пока наконец, не заглушил все другие звуки, все кроме сумасшедшего грохота барабана в лесу, звук которого, кажется, поднялся в тоне и стал триумфальным. Шторм с грохотом налетел на берег, пригнав перед собой пенный гребень волны длиною в милю. А потом на берегу разразился ад. Ливень хлестал по берегу, гром гремел, а ветер с ревом налетел на строения форта. Волны накатились на прибрежную полосу песка и залили лагерный костер корсаров.

В свете молний, сквозь завесу ливня, Белеза увидела, как палатка моряков была сорвана и унесена прочь, а сами люди, с огромным трудом, потому что шторм норовил бросить их на землю и покатить, побрали к форту.

В свете следующей молнии она увидела, что корабль Зарено сорвало с якоря и с чудовищной силой расплющило об испещренные трещинами береговые утесы.

5. ЧЕЛОВЕК ИЗ ГЛУШИ

Шторм утих и утреннее солнце показалось на ясном, голубом, вымытом дождем небе. Пестрые птицы на ветвях пели свои утренние песни, а на свежих зеленых листьях, мягко колышимых легким бризом, как бриллианты блестели капли дождя.

У ручейка, извивавшегося по своему руслу к морю, за кустами и последними деревьями на краю леса, пригнулся человек, чтобы вымыть руки в чистой воде ручейка. Он занимался утренним туалетом так же, как и другие его сородичи, брызгаясь и полоща горло как буйвол. Затем, прекратив полоскаться, он внезапно поднял голову. Вода сбежала по его волосам и потекла ручейком между его мощными плечами. Он напряженно прислушался и схватился за меч. Он стал пристально вглядываться вглубь суши.

Мужчина, даже больше и сильнее, чем он сам, направился по песку прямо к нему. Глаза светловолосого пирата расширились, когда он увидал плотно облегающие шелковые штаны, высокие сапоги с широкими длинными отворотами, развевающийся плащ и головной убор, какие были в моде около ста лет назад. В руке приближающегося человека была широкая сабля, которой он и замахнулся.

Узнав этого мужчину, пират побледнел.

— Ты! — недоверчиво выдохнул он. — Во имя Митры, ты!

Проклятье сорвалось с его губ, когда он поднял меч. При звоне клинков пестрые птицы испуганно взлетели с ветвей. Когда клинки ударились друг о друга, посыпались голубые искры и песок захрустел под каблуками их сапог. Потом звон стали завершился глухим ударом и мужчина, захрипев, опустился на колени. Рукоятка меча выскоцила из его ослабевшей руки и он опустился на покрасневший песок. В последнем усилии он ощупал свой пояс и что-то вытащил из него. Он попытался поднести его к губам, но тут по телу его пробежала дрожь и пальцы его разжались.

Победитель нагнулся над ним и высвободил из пальцев то, что было зажато в них.

* * *

Зароно и Валенсо стояли на берегу и мрачно смотрели на обломки дерева, которые собирали их люди. Жалкие осколки мачт и разбитые доски. Штурм с такой силой разбил корабль Зароно о прибрежные скалы, что не осталось ни одной целой доски. Немного позади них стояла Белеза, обняв рукой Тину. Она была бледна и апатична. Она без интереса прислушивалась к разговорам. Знание того, что она являлась беспомощной пешкой в чужой игре, угнетало ее. При этом, ей было все равно, как это все закончится: проведет ли она остаток своей жизни на этом безотрадном берегу, или, став женой человека, которого она призирает, вернется к цивилизованной жизни.

Зароно грубо выругался, а Валенсо был словно оглушен.

— Сейчас не время для штурмов, — пробурчал граф, повернув свое осунувшееся лицо к людям, которые собирали на берегу обломки корабля. — Это не случайность, штурм был наслан, чтобы разбить корабль и сделать невозможным мое бегство отсюда. Бегство? Я сижу как крыса в западне, как это и было задумано. Нет, не только я, мы все в западне...

— Я не имею никакого представления, о чем вы говорите, — пробурчал Зароно и резко дернул за свой ус. — Мне не удалось услышать от вас ни одного разумного слова с тех пор, как эта светловолосая девочка так напугала вас своим рассказом о черном человеке, который пришел из-за моря. Но я знаю, что мне не хочется провести остаток своей жизни на этом проклятом берегу. С кораблем погибли десять моих людей, но у меня осталось еще сто шестьдесят человек и у вас есть около сотни. В вашем форте есть инструменты, а в лесу имеется достаточно деревьев. Как только мы наловим из моря достаточно обломков, я отправлю своих людей валить деревья. Мы построим новый корабль.

— На это нам потребуются месяцы, — пробурчал Валенсо.

— Вы можете предложить лучший способ провести время? Мы застряли здесь и мы уберемся отсюда только в том случае, если построим новый корабль. Мы создадим нечто вроде лесопилки. До сих пор, если я чего-то хотел, я всегда добивался этого. Я надеюсь, что штурм разбил также и корабль Стромбанни. Пока наши люди строят корабль, мы отыщем драгоценности Траникоса.

— Мы никогда не сможем построить корабль, — вздохнул Валенсо.

Зароно рассерженно повернулся к нему.

— Когда же вы, наконец, будете говорить так, чтобы я смог понять вас? Кто такой этот проклятый черный человек?

— Да, действительно, проклятый, — пробормотал Валенсо, уставившись на море. — Тень моего кровавого прошлого, которая хочет

забрать меня в ад. Из-за нее я бежал из Зингары и надеялся, что после моего путешествия по дальним морям она потеряет мой след. Но я должен был знать, что она, в конце концов отыщет меня.

— Если этот парень высадился на берегу здесь, должно, укрылся в лесу, — пробурчал Зароно. — Мы прочешем лес и отыщем его!

Валенсо хрюкло рассмеялся.

— Легче поймать тень от облака, закрывающую луну, или клок тумана, поднявшийся в полночь из болота. И гораздо менее опасно голой рукой пытаться в темноте нащупать кобру.

Зароно бросил на графа странный взгляд. Очевидно, он сильно сомневался в здравом уме Валенсо.

— Кто этот человек? Откажитесь от этих ваших мелочных тайн.

— Тень моей собственной жестокости и алчности: ужас из прошлых времен — не смертный из мяса и костей, а...

— Эй, там парус! — проревел наблюдатель на северном роге бухты. Зароно повернулся и его голос раздался в воздухе.

— Ты узнаешь этот корабль?

— Ага! — ответил наблюдатель. Корабль из-за большого расстояния трудно было различить. — Это «КРАСНАЯ РУКА».

— Стромбанни! — в ярости воскликнул Зароно. — Ему помогает сам дьявол! Как ему удалось ускользнуть от шторма? — голос корсара превратился в рев, раздавшийся по всему берегу. — Назад, в форт, собаки!

Пока «Красная рука», очевидно мало поврежденная огибала рог, берег обезлюдел, зато за палисадом вплотную друг к другу торчали одетые в шлемы и повязанные платками головы. Корсары примирились со своими новыми союзниками, они обладали приспособляемостью искателей приключений, а люди графа смотрели на них с равнодушием крепостных.

Зароно скрипнул зубами, когда к берегу направилась длинная лодка, и он увидел на ее носу светловолосую голову своего конкурента. Лодка подошла к берегу и Стромбанни один направился в форт.

Он остановился на некотором расстоянии от форта и проревел зычным голосом, который был хорошо слышен в тишине утра.

— Эй, в форте! Я пришел, чтобы вести с вами переговоры.

— Почему же, во имя всех семи кругов ада, ты этого не делаешь? — мрачно ответил Зароно.

— Когда в последний раз я пришел сюда под белым флагом, в мой нагрудный панцирь ударила стрела! — проревел пират.

— Ты сам вынудил нас к этому! — крикнул ему в ответ Валенсо. — Я тебя предупредил, что ты только зря теряешь время!

— Во всяком случае, я требую гарантии, что подобное больше не повторится!

— Я даю тебе свое слово! — насмешливо крикнул ему Зароно.

— Твое слово проклято, зингарская собака! Я требую слова Валенсо!

Граф еще сохранил какую-то часть своего достоинства. Когда он ответил, голос его, несомненно, все еще внушал уважение.

— Подойди ближе, но смотри, чтобы твои люди остались там, где они есть. В тебя больше не будут стрелять!

— Этого мне достаточно, — тотчас же заверил его Стромбанни. — Какие бы грехи Корзетты ни были на вашей совести, на ваше слово можно положиться.

Он подошел поближе и остановился у ворот. Он усмехнулся Зароно, яростно сверкающему на него глазами.

— Ну, Зароно, — насмешливо произнес он, — теперь у тебя кораблем меньше, чем во время нашей последней встречи. Но вы, зингарцы, никогда не были особенно хорошими моряками.

— Как тебе удалось спастись, ты, мессантийская крыса? — прогремел корсар.

— В паре миль к северу отсюда, находится бухта, защищенная длинной песчаной косой, которая укротила ярость шторма, — ответил Стромбанни. — Я укрылся там, хотя якорь сорвало, но вес «Красной руки» удержал ее вдали от берега.

Зароно мрачно наморщил лоб. Валенсо молчал. Он ничего не знал об этой бухте. Он вообще исследовал только маленький пятачок суши. Страх перед пиктами и необходимость занять работой в форте своих людей, удерживали его от этого.

— Я здесь для того, чтобы заключить с вами договор по обмену, — равнодушно объяснил Стромбанни.

— Нам нечем с тобой меняться, кроме обмена ударами мечей, — пробурчал Зароно.

— Я придерживаюсь другого мнения, — улыбка играла на тонких губах Стромбанни. — Уже достаточно того, что вы убили и ограбили Галакуса, моего Первого Офицера. До сегодняшнего дня я считал, что драгоценности Траникоса находятся у Валенсо. Но если бы это было так, вам не нужно было бы преследовать Галакуса и убивать его, чтобы завладеть его картой.

— Картой? — воскликнул Зароно и пожал плечами.

— Как будто не знаешь! — Стромбанни рассмеялся, но в глазах его сверкала ярость. — Я знаю, что она у вас. Пикты не носят сапог!

— Но... — смущенно начал граф, однако быстро умолк, когда Зароно сделал ему предостерегающий знак.

— Ну, если у нас есть карта, чем тогда ты сможешь нас заинтересовать?

— Впустите меня в форт, — предложил Стромбанни. — Там мы можем спокойно поговорить, — он не ответил на вопрос, хотя люди на платформе палисада хорошо понимали, что пират имеет в виду свой корабль. Этот факт был главным, безразлично, приводил ли он к войне, или к торговле. Безразлично, у кого он был в руках, он имел главенствующее значение. Кто бы ни отплыл на этом корабле, все равно здесь должно было остаться много людей. Все молчавшие люди на платформе думали об одном и том же.

— Твои люди останутся там, где они есть, — предупредил Зароно и указал на длинную лодку на берегу, и на корабль, стоящий в бухте на якоре.

— Очень хорошо — но не воображай, что ты можешь взять меня как простофилю. Я требую честного слова Валенсо, что я покину его форт живым, придем ли мы к соглашению, или нет.

— Я даю тебе слово, — заверил его граф.

— Ну, хорошо. Итак, ты сейчас откроешь ворота, потом мы открыто поговорим друг с другом.

Ворота были открыты, потом снова закрыты, предводитель пиратов исчез из виду, люди по обе стороны остались на своих местах, внимательно наблюдая друг за другом: люди за палисадом и люди у лодки, присевшие на корточки, между ними полоса песка и узкая полоска воды между пиратами, находящимися у перил арки с мечами, блестящими на солнце.

* * *

На широкой лестнице над банкетным залом, пригнувшись, спрятались Белеза и Тина, незаметные для людей внизу, которые сидели за длинным столом: Валенсо, Гальбро, Зароно и Стромбанни. Кроме них в большом зале не было никого.

Стромбанни выпил свое вино одним глотком и поставил на стол пустой бокал. Он симулировал откровенность выражением искренности, но в глазах его были жестокость и коварство. Он без обиняков перешел к делу.

— Мы все сильно заинтересованы в драгоценностях, которые старый Траникос упрятал где-то поблизости от этой бухты, — сказал он. — У

каждого из нас есть что-то, что нужно другим. У Валенсо есть рабочие, снаряжение, припасы и форт, дающий нам защиту от пиктов. У тебя, Зароно, есть моя карта. У меня есть корабль.

— Я не понимаю одного — пробурчал Зароно. — Если у тебя все время была карта, почему ты давно не взял себе сокровища?

— У меня ее не было. Этот пес Зингелито заколол старого скрягу и в темноте свистнул у него карту. У него не было ни корабля, ни экипажа и ему потребовалось больше года, пока он нашел и то и другое. Когда он, наконец, был уверен, что сможет заполучить сокровища, пикты помешали ему высадиться, убили многих из его людей и вынудили его вернуться обратно в Зингару. Один из пиратов выкрад у него карту и недавно продал ее мне.

— Итак, именно поэтому Зингелито выбрал именно эту бухту, — пробурчал Валенсо.

— Вас привел сюда этот пес, граф? — спросил Стромбанни. — Я хочу поблагодарить его за это. Где он?

— Наверное, в аду, в конце концов, раньше он был корсаром. Очевидно, пикты убили его, когда он пошел в лес искать сокровища.

— Великолепно! — довольно произнес Стромбанни. — Меня интересует, что карта была у моего Первого. Я доверял ему, и мои люди верили ему больше, чем мне. Итак, я передал карту возле самого леса, он отделился от остальных и когда мы его нашли, он, очевидно, был заколот в поединке. Люди уже были готовы обвинить в этом меня, но тут, к счастью, мне удалось найти следы его убийцы и я доказал этим идиотам, что эти отпечатки не могли быть оставлены моими сапогами. Я также сразу же увидел, что этого не мог сделать никто из моих людей, потому что ни у кого из них не было сапог с такими подметками. А пикты вообще не носят сапог. Поэтому этого зингарца должны были убить вы!

Итак, теперь у вас есть карта, однако, нет сокровищ. Потому, что если бы они у вас были, вы не пустили бы меня в форт. Теперь я установил это наверняка. Вы не можете выйти наружу, чтобы отправиться на поиски сокровищ, потому что мы не спускаем с вас глаз и, кроме того, у вас нет корабля, на котором вы могли бы увезти их отсюда.

Итак, выслушайте мое предложение: Зароно, ты даешь мне карту. А вы, Валенсо, обеспечиваете меня свежим мясом и другими продуктами. После долгого путешествия нам не хватает многоного и моим людям грозит цинга. А за это я доставлю вас троих и леди Белезу, с ее опекаемой, куда-нибудь, откуда вы легко сможете достичь одного из зингарских портов. Зароно я охотно высажу там, где ему захочется и где он сможет встретить

корсаров, потому что в Зингаре его, несомненно, ждет петля виселицы. И кроме того, я буду великодушен и дам вам некоторую часть сокровищ.

Корсар в задумчивости подергал усы. Конечно, он сомневался, что Стромбанни даже на мгновение подумал о соблюдении этого договора. Кроме того, у Зароно не было намерения соглашаться на подобное предложение, даже если бы у него была карта. Однако, если он просто отклонит это предложение, возникнут споры. Поэтому он задумался над тем, как ему обмануть пирата, потому что корабль был нужен ему не меньше, чем утерянные сокровища.

— Что тогда нам помешает схватить тебя и вынудить твоих людей отдать нам твой корабль?

Стромбанни издевательски рассмеялся.

— Ты действительно считаешь меня таким дураком? Мои люди получили приказ: при первых же признаках предательства поднять якорь и покинуть бухту: они сделают то же и в том случае, если я не вернусь в установленное время. Вы не получите корабля даже в том случае, если перед их глазами с меня живьем сдерут шкуру. Кроме того, граф Валенсо дал мне слово.

— Я еще никогда не нарушал своего слова, — мрачно произнес Валенсо. — Достаточно угроз, Зароно.

Корсар молчал. Он был всецело занят проблемой, как ему заполучить корабль Стромбанни и продолжить переговоры, не показывая, что у него нет карты. Он спрашивал себя, кто, во имя Митры, на самом деле забрал ее?

— Позвольте мне взять на корабль своих людей, — сказал он. — Я не могу бросить на произвол судьбы свой верный экипаж...

Стромбанни презрительно фыркнул.

— Почему ты не требуешь также мою саблю, чтобы перерезать мне горло? Чтобы не бросить своих верных людей на произвол судьбы — ха! Ты продашь дьяволу своего родного брата, если тебе заплатят за него достаточную цену. Нет, ты сможешь взять с собой не более двух людей, а этого ни в коем случае недостаточно для захвата моего корабля.

— Дай нам один день, чтобы все обдумать, — спокойно просил Зароно, чтобы протянуть время.

Стромбанни ударил кулаком по столу так, что из бокалов выплеснулось вино.

— Нет, во имя Митры! Я требую немедленного ответа!

Зароно вскочил. Его ярость одержала верх над хитростью.

— Ты, бараханская собака! Ты сейчас получишь ответ — прямо в твое

поганое брюхо...

Он отбросил плащ в сторону и схватился за меч. Стромбанни тоже вскочил. Он поднялся так быстро, что стул позади него опрокинулся и упал с громким стуком. Валенсо встал и протянул руку, чтобы отделить друг от друга двух мужчин, которые уже наполовину вытащили свои мечи, и с искаженными ненавистью лицами смотрели друг на друга.

— Господа! Я вас очень прошу! Зарено, я же дал ему слово...

— К черту ваше слово! — корсар оскалил зубы.

— Остановитесь, мой лорд! — произнес пират веселым голосом, полным жажды крови. — Вы дали мне слово, что в отношении меня не будет никакого предательства. Но я не считаю нарушением слова с вашей стороны, если я в честной борьбе обменяюсь с этой собакой несколькими ударами меча...

— Это верно, Стром! — внезапно произнес позади них глубокий сильный голос, казавшийся одновременно и свирепым, и веселым. Все повернулись и непроизвольно открыли рты и глаза. Белеза с огромным трудом смогла подавить крик.

Из двери, ведущей в соседнее помещение, вышел человек. Он без колебаний, но и без лишней поспешности, подошел к столу. Он оказался хозяином положения. В воздухе повисло напряжение.

Чужак был еще больше, чем корсар и пират, и у него была еще более мускулистая фигура. Несмотря на это, он двигался с гибкостью пантеры. На нем были сапоги с длинными отворотами, штаны из кожи и белого шелка, а под открытым небесно-голубым развевающимся плащом была видна шелковая рубашка с открытым воротом и алый кушак вокруг талии. У плаща были желудеобразные серебряные застежки, сatinовый воротник, карманы и обшлага. Он был украшен золотой вышивкой. Блестящая кожаная шляпа завершала костюм, какие носили около ста лет назад. На боку чужака висела тяжелая сабля.

— Конан! — воскликнули корсар и пират одновременно.

Валенсо и Гальбро разом затаили дыхание, услышав это имя.

— Так точно, Конан, — гигант насмешливо улыбаясь застывшим как статуи присутствующим, подошел к столу.

— Что вы здесь делаете? — запинаясь, произнес мажордом. — Как вы прошли сюда незваным и так незаметно?

— Я перелез через палисад с восточной стороны, пока ваши глупцы толпились у ворот, — ответил Конан. Он говорил по-зингарски с варварским акцентом. — Все они вывихнули себе шеи, смотря на запад. Я вошел в дом, когда Стромбанни пропустили в ворота. С этого времени я с

интересом прислушивался к вашей беседе, находясь в соседней комнате.

— Я считал, что ты мертв, — протяжно произнес Зароно. — Три года назад, на одном из усеянных рифами берегов, видели обломки твоего корабля и с тех пор о тебе не было ничего слышно.

— Я не пил с командой своего корабля, — ответил Конан. — Великий Океан все еще не принял меня к себе на дно. Я выплыл на сушу и некоторое время был солдатом в Черных Королевствах, а потом в Аквилонии. Можно сказать, что я стал знаменитой личностью, — он поволчы оскалился. — Во всяком случае, до недавнего времени, пока Нумедидесу внезапно не перестало нравиться мое лицо. Но теперь, к делу, господа.

Наверху, на лестнице, Тина уставилась вниз, через балюстраду, в возбуждении схватив Белезу за запястье.

Белеза знала, что видит перед собой воплощенную в кровь и плоть легенду. Кто из людей на побережье не знал диких и кровавых историй о Конане, искателе приключений, бывшем однажды капитаном бараханских пиратов и настоящим бичом Западного Океана? Дюжина баллад о его отваге и преступлениях. Он был человеком, которого никто не мог убить. Он пришел сюда и стал доминирующим элементом в этом беспорядке. Белеза со страхом спросила себя, что будет, если точка зрения Конана не совпадет с точкой зрения остальных и он не будет на их стороне. Будет ли он презирать ее так же, как Стромбанни, или он так же страстно возжелает ее, как Зароно?

Валенсо оправился от шока, вызванного внезапным появлением чужака в своем доме. Он знал, что Конан был киммерийцем, что родился и вырос в суровой пустыне на севере, и потому во многих вещах он не испытывал затруднения и не знал границ, которым подчинялись цивилизованные люди. Так что было совсем не странно, что он незаметно вздрагивал при мысли, что вслед за ним могут проникнуть сюда и другие варвары — например, пикты.

— Что вам здесь надо? — грубо спросил он. — Вы пришли с моря?

— Нет, из леса, — киммериец кивком показал на восток.

— И вы жили среди пиктов? — холодно осведомился Валенсо.

В голубых как лед глазах гиганта вспыхнул гнев.

— Даже зингарец должен знать, что между пиктами и киммерийцами никогда не было мира и, может быть, никогда не будет, — он дико выругался. — С начала времен между нами царит кровавая вражда. Если бы вы сделали это замечание одному из моих диких сородичей, весьма возможно, что он разбил бы вам череп. Но я достаточно долго жил среди

так называемых цивилизованных людей, чтобы понять ваше невежество и ваш недостаток вежливости и гостеприимства по отношению к чужаку, который прошел через леса, раскинувшись на тысячи миль вокруг. Но забудем об этом, — он повернулся к обоим морским грабителям, уставившимся на него. — Если я правильно расслышал, существует какая-то карта, из-за которой между вами возникло расхождение во мнениях?

— Это тебя вообще не касается, — проворчал Стромбанни.

— Может быть, вот эта? — Конан зловеще усмехнулся и вытащил из кармана что-то довольно сильно помятое, клочок пергамента, на котором было что-то изображено красным цветом.

Стромбанни вздрогнул и побледнел.

— Моя карта! — воскликнул он. — Откуда она у тебя?

— От твоего рулевого Галакуса, после того, как я убил его, — ответил Конан, свирепо усмехнувшись.

— Ты, собака! — взвыл Стромбанни и повернулся к Зарону. — Так у тебя вообще не было карты! Ты солгал...

— Я никогда и не утверждал, что она у меня есть! — пробурчал Зарон. — Ты сделал совершенно неверные выводы. Не будь дураком. Конан один. Будь с ним его люди, он давно бы уж перерезал горло всем. Мы отнимем у него карту...

— Это так похоже на вас! — рассмеялся Конан.

Оба мужчины ругаясь ринулись на него. Конан равнодушно отступил на шаг и бросил скомканный пергамент на пылающие угли в камине. С бычьем ревом Стромбанни ринулся на него, но удар кулаком в ухо заставил его, почти потерявшего сознание, опуститься на пол. Теперь Зарон выхватил свой меч, однако, прежде чем он смог ударить им, сабля Конана выбила его из рук.

С дьявольски сверкающими глазами Зарон отшатнулся назад, на стол. Стромбанни с трудом поднялся. Глаза, его казалось, остекленели, из его разбитого уха капала кровь. Конан слегка нагнулся над столом и его вытянутая сабля уперлась в грудь графа Валенса.

— Не пытайтесь звать ваших солдат, граф, — предупредил его киммериец. — Ни звука — и ты тоже, собачья морда, — последнее относилось к Гальбро, который ни в коем случае не думал о том, чтобы навлечь на себя гнев гиганта. — Карта сгорела дотла и теперь бессмысленно проливать кровь. Садитесь, вы все!

Стромбанни поколебался, взглянул на свой меч, потом пожал плечами и тупо упал на стул. Другие тоже сели. Только Конан остался стоять, он глядел на них сверху вниз. А его враги наблюдали за ним глазами, в

которых сверкала ненависть и злоба.

— Я предупреждаю вас, чтобы вы ничего не предпринимали, — сказал он. — Я здесь из тех же оснований.

— Что ты сможешь нам предложить? — насмешливо спросил Зарон.

— Только драгоценности ТРАНИКОСА!

— Что? — все вскочили и нагнулись вперед.

— Садитесь! — прогремел Конан и ударил по столу широким клинком своей сабли.

Они напряженно повиновались, побелев от возбуждения. Конан ухмыльнулся. Он, по всей видимости, наслаждался действием своих слов.

— Да, я нашел драгоценности еще прежде, чем заполучил эту карту. Поэтому я сжег ее. Теперь никто не найдет драгоценности, если я не покажу, где они находятся.

Они уставились на него, в их глазах пылала жажда убийства.

— Ты лжешь, — без убеждения сказал Зарон. — Ты уже однажды солгал нам! Ты утверждал, что не жил среди пиктов. Но каждый знает, что эта страна — сплошная глушь и в ней живут только дикари. Ближайшие форпосты цивилизации — это аквилонские поселения на берегах реки Грона. В сотне миль на восток отсюда.

— И именно оттуда я и пришел сюда, — невозмутимо ответил Конан. Я думаю, что я первый белый человек, который когда-либо пересекал пиктскую глушь. Когда я бежал из Аквилонии в Страну Пиктов, я наткнулся на отряд пиктов и убил одного из них. Но в рукопашной схватке, в меня попал камень из пращи и я потерял сознание. Поэтому дикари смогли взять меня в плен живым. Эти парни были из Племени Волка. Их вождь попал в руки клана Орла и они обменяли меня. Орлы почти сотню миль протащили меня на запад, чтобы сжечь меня в деревне вождя. Но однажды ночью мне удалось убить трех или четырех воинов и бежать.

Вернуться я не мог, потому что они были позади меня и они погнали меня на запад. Пару дней назад мне посчастливилось отделаться от них и, слава Кому, я нашел убежище именно там, где Траникос спрятал свои сокровища. Я нашел все: сундуки с одеждой и оружием, целые кучи монет, драгоценностей и золотых украшений и среди них драгоценный камень Тотмекрис, сверкающий как застывший звездный свет! Старый Траникос и одиннадцать его доверенных помощников сидели вокруг стола из черного дерева. Все они, вот уже в течение сто лет, неподвижно уставились на эту драгоценность.

— Что?

— Да, — Конан рассмеялся. — Траникос умер около своих

драгоценностей и все другие вместе с ним! Их трупы не разложились, ни иссохли. Они сидят там в своих сапогах с отворотами, длинных плащах и кожаных шляпах, у каждого из них в руке стакан вина и сейчас они сидят так же, как сидели в течение всей этой сотни лет.

— Это же невероятно! — пробурчал Стромбанни, полный неприятных чувств. — Это уже не шутки. В конце концов, нам нужно сокровище. Говори дальше, Конан.

Теперь киммериец тоже сел за стол, налил в бокал вина и опустошил его.

— Во имя Крома, это первое вино с тех пор, как я покинул Аквилонию, — произнес он. — Эти проклятые Орлы так наступали мне на пятки, что я едва успевал подкрепиться ягодами и орехами, которые находил на пути. Иногда мне попадалась лягушка и я проглатывал ее сырой, потому что не отваживался разжечь костер.

Его нетерпеливые слушатели, ругаясь, объяснили ему, что их интересует не его питание, а сокровище.

Он насмешливо ухмыльнулся и продолжил:

— Ну, после того, как я случайно наткнулся на сокровище, я отдохнул пару дней, сделал и установил силки на кроликов и залечил свои раны. Тут я увидел на западной части небосклона дым, но, конечно, подумал, что это какая-то деревушка пиктов на побережье. Я остался около сокровища, потому что случайно укрылся в том месте, которого избегают пикты. Если меня действительно выслеживало какое-нибудь из местных племен, они, по крайней мере, должны были показаться.

Вчера ночью я, наконец, направился на запад, намереваясь выйти на берег парой миль севернее того места, где я наблюдал дым. Я был недалеко от берега, когда ударила буря. Я спрятал драгоценности под каменным выступом и стал ждать, пока буря не кончится. Потом я забрался на дерево, чтобы посмотреть на пиктов, но вместо этого я увидел караку Строма, стоящую на якоре и его людей, гребущих на лодке к берегу. Я направился к лагерю Строма и на берегу встретил Галакуса, у нас были старые счеты, мы на месте разрешили наши проблемы и он умер.

— Какова причина этой вражды? — спросил Стромбанни.

— О, несколько лет назад он отбил у меня девушку. О том, что у него была карта, я вообще не знал, пока он, умирая, не попытался проглотить ее.

Я конечно сразу же узнал ее, и подумал, что мне делать, когда одна из ваших собак придет сюда и обнаружит труп. Я лежал поблизости, укрывшись в чащбе, пока ты и твои люди рыскали вокруг. Я не счел этот момент подходящим для того, чтобы показаться вам, — он рассмеялся

прямо в искаженное яростью лицо Стромбанни.

— Ну, пока я лежал там и слушал вас, я достаточно узнал о положении вещей, а также о том, что Зароно и Валенсо находились на берегу всего в паре миль отсюда. Когда я услышал, как ты сказал, что Зароно должно быть, убил Галакуса и забрал карту, и ты должен будешь иметь с ним дело, чтобы получить возможность убить его и забрать у него карту...

— Собака! — пробурчал Зароно.

Стромбанни хотя и побледнел, но дружески улыбнулся.

— Может быть, ты думаешь, что я был бы честным с такой собакой, как ты? Рассказывай дальше, Конан.

Киммериец усмехнулся. Было очевидно, что он намерен разжечь пламя ненависти между этими двумя морскими грабителями.

— Осталось рассказать немного. Я побежал через лес, в то время, как ты поплыл вдоль берега и был у форта задолго до тебя. Твое предположение, что штурм уничтожил корабль Зароно, было правильным — но тебе эта бухта тоже была известна.

Итак, дело теперь выглядит таким образом: у меня есть сокровища, у Строма есть корабль, у Валенсо провиант. Во имя Крома, Зароно, я не знаю, что можешь предложить ты, но чтобы избежать дальнейших стычек, я подключаю тебя также. Мое предложение просто.

Мы разделим добычу ровно на четыре части, отплывем в море на «Красной руке». Ты, Зароно, а также ты, Валенсо, останетесь здесь со своими долями. Вы можете сделаться королями глупи или построить корабль из стволов деревьев — как вам будет угодно.

Валенсо побледнел, Зароно выругался, а Стромбанни усмехнулся.

— Ты действительно настолько легкомыслен, чтобы вместе со Стромбанни подняться на борт его корабля? — яростно спросил Зароно. — Он перережет тебе горло, прежде чем этот берег исчезнет из виду.

Конан рассмеялся. Он весело сказал:

— Эта головоломка о козе, волке и капусте. Как их нужно перевезти через реку, чтобы один не съел другого.

— Это типичный киммерийский юмор, — пробурчал Зароно.

— Я не останусь здесь! — глаза Валенсо дико сверкали. — Сокровища, или нет, я должен немедленно убраться отсюда.

Конан задумчиво посмотрел на него.

— Ну, хорошо, тогда я предлагаю такой план: мы разделим сокровища, как и предполагалось. Потом на корабле поплынут Стромбанни, Зароно и вы, лорд Валенсо, а также те из ваших людей, кого вы возьмете с собой. Вы поплынете на «Красной руке». А я остаюсь полным хозяином этого форта,

вместе с остатками ваших людей и людей Зароно, и сам строю корабль.

Лицо Зароно побледнело.

— Итак, мне предоставлен выбор: остаться здесь в изгнании, или бросить своих людей и подняться на борт «Красной руки», чтобы позволить там перерезать себе горло.

Смех Конана гулко прозвучал в огромном зале. Он по-товарищески ударил Зароно по плечу, не обращая внимания на жажду убийства сверкающую в глазах корсара.

— Это так, Зароно, — подтвердил он. — Оставайтесь здесь, а я и Стром уплывем отсюда, или плыви со Стромбанни и позовь своим людям остаться здесь со мной.

— Будет лучше, если Зароно отправиться со мной, — откровенно сказал Стромбанни. — Ты можешь восстановить против меня моих собственных людей, Конан, и они убьют меня, прежде чем мы увидим на горизонте Бараханские острова.

Пот выступил на побледневшем лице Зароно.

— Ни я, ни граф, ни его племянница не достигнут суши живыми, если мы доверимся Стромбанни, — сказал он. — Сейчас вы оба в моей власти, потому что мои люди находятся в форте. Что удержит меня от того, чтобы убить вас обоих?

— Ничего, — улыбаясь ответил Конан. — Кроме того факта, что люди Стромбанни, если ты это сделаешь, уйдут в море и оставят вас здесь, на берегу, где пикты скоро убьют вас всех; и того, что я расколю череп, если ты попытаешься позвать своих людей.

Говоря это, Конан смеялся, словно его предположение было невероятно смешным, но даже Белеза чувствовала, что он говорит то, что думает. Его блестящая сабля лежала у него на коленях, в то время, как Зароно положил свой меч на стол вне досягаемости своей руки. Гальбро не был воином, Валенсо, очевидно, был не в состоянии принять решение.

— Да, — пробурчал Стромбанни. — Так легко тебе с нами не справиться. Я согласен на предложение Конана. А что думаете вы, Валенсо?

— Я должен убраться отсюда! — прошептал граф, глядя пустыми глазами. — И я должен поспешить... я должен убраться... прочь... и как можно быстрее!

Стромбанни наморщил лоб, удивленный странным поведением графа и злобно усмехаясь, повернулся к корсару.

— А ты, Зароно?

— Разве у меня остается какой-нибудь выбор? — пробурчал Зароно. —

Позвольте мне взять с собой на борт трех офицеров и сорок человек моих людей, и я согласен.

— Офицеры и тридцать человек!

— Ну хорошо.

— Итак, все в порядке.

Этим пакт был заключен, без рукопожатий и без тостов. Оба капитана сверкали друг на друга как голодные волки. Граф дрожащими пальцами перебирал свои усы, но полностью углубился в свои мрачные мысли. Конан беззаботно потянулся как огромная кошка, выпил вино и улыбнулся присутствующим, но это была улыбка спрятавшегося в засаде тигра.

Белеза ощущала убийственные намерения каждого из них в отдельности. Ни один не думал о том, чтобы выполнить соглашение, за исключением, может быть, Валенсо. Каждый из морских грабителей хотел заполучить в свои руки корабль и все драгоценности. Никто из них не хотел удовлетвориться меньшим.

Но как? Что приходило в голову каждому из них? Киммериец, несмотря на свою необычную открытость, был не менее хитер, чем остальные — и еще более опасен. Главенству в этой ситуации он был обязан не только своим физическим силам — хотя его могучие плечи и бицепсы, толщиной в шею человека, казались невероятно мощными — но также и его железной выдержке, которая удивила даже Стромбанни и Зароно.

— Отведи нас к сокровищам, — потребовал Зароно.

— Подожди немного, — осадил его киммериец. — Мы должны разделить наши силы, чтобы ни один из нас не мог повредить другому. Мы сделаем следующее: люди Строма — с полдюжины или около этого — высадятся на берег и разобьют там лагерь таким образом, чтобы обе эти группы могли держать друг друга под наблюдением и быть уверенными в том, что ни одна из них не смоется тайком, когда мы найдем сокровища и не нападет на нас из-за засады. Оставшиеся на «КРАСНОЙ РУКЕ» люди выведут корабль из бухты, чтобы оказаться вне пределов досягаемости обоих групп. Люди Валенсо останутся в форте, однако ворота должны быть открыты. Вы идете с нами, граф?

— В лес? — Валенсо вздрогнул и плотнее завернулся в плащ. — Не пойду, даже за все золото Траникоса!

— Ну, хорошо. Мы возьмем с собой тридцать человек, чтобы нести сокровища, по пятнадцать из каждой команды и сейчас же отправимся в путь.

Белеза, внимательно наблюдавшая за тем, что происходит внизу,

увидела, как Зароно и Стромбанни обменялись тайными взглядами, а потом быстро опустили глаза, подняв бокалы, чтобы скрыть свои зловещие намерения. Белеза обнаружила в плане Конана смертельно опасную слабость и удивленно спросила себя, как это он мог допустить ее. Может быть, он был просто уверен в своих силах? Но она знала, что он не вернется из леса живым. Как только сокровища окажутся в их руках, оба мошенника убьют этого человека, которого они так ненавидят. Она вздрогнула и сочувственно посмотрела на приговоренного к смерти. Было странно видеть этого могучего бойца, сидевшего там, внизу и пьющего вино, живым и невредимым, и знать, что он уже обречен на гибель.

Вся эта ситуация была нездоровой. Зароно свалил бы Стромбанни и убил бы его, будь у него шанс. И она не сомневалась в том, что пират также вынес смертный приговор Зароно и ее дяде тоже. Если бы Зароно оказался победителем, по крайней мере, она осталась бы в живых — но когда она посмотрела на корсара, который крутил свои усы, на лице которого сейчас проявились все гнусные черты его характера, она поняла, что не знает, что ей лучше выбрать: смерть или Зароно.

— Как далеко нам идти? — осведомился Стромбанни.

— Если мы выйдем немедленно, в полночь мы уже сможем вернуться, — ответил Конан. Он опустошил свой бокал, поправил пояс с оружием и взглянул на графа. — Валенсо, это вы сошли с ума и убили пикта в охотничье раскраске?

Валенсо пораженно заморгал.

— Что вы хотите этим сказать?

— Значит, вы не знаете, что ваши люди вчера ночью убили в лесу пикта?

Граф покачал головой.

— Ни один из моих людей прошлой ночью не был в лесу.

— Во всяком случае, в лесу кто-то был, — пробурчал киммериец, вцепившись в стол. — Я видел голову пикта на дереве на краю леса, и на ней не было боевой раскраски. Так как там не было отпечатков сапог, я решил, что это произошло еще до шторма. Но там было множество других следов: отпечатки мокасин на влажной почве. Итак, пикты были там и видели голову на дереве. Это, должно быть, воины какого-то другого племени, иначе они забрали бы ее с собой. Если у них случайно заключен мир с племенем убитого, они, конечно, побежали в его деревню, чтобы сообщить обо всем.

— Может быть, они его и убили? — произнес Валенсо.

— Нет, конечно, нет. Но вы, как и я, знаете, кто и почему это сделал.

Эта цепочка была обмотана вокруг обрубка шеи и застегнута на нем. Вы, должно быть, сошли с ума, если это сделали.

Он бросил на стол перед графом что-то, граф придушиенно застонал, схватившись руками за горло.

— Я узнал печать Корзетты, — сказал Конан. — Одна эта цепочка укажет любому пикту, что это убийство мог совершить только белый.

Валенсо молчал. Он уставился на цепочку, словно это была ядовитая змея, которая может ужалить.

Конан некоторое время наблюдал за ним с мрачным выражением, потом вопросительно посмотрел на остальных. Зароно сделал быстрый жест, показывающий, что граф не совсем в своем уме. Конан сунул свою саблю в ножны и надел кожаную шляпу.

— Ну хорошо, теперь мы можем идти, — сказал он.

Оба морских грабителя опустошили свои бокалы. Они тоже спрятали свои клинки в ножны. Зароно положил свою руку на руку Валенсо и слегка потряс ее. Граф вздрогнул и внимательно осмотрелся, потом он оцепенело вышел из зала вместе с остальными. Цепочка болталась в его пальцах. Но не все покинули этот зал.

Белеза и Тина все еще сидели наверху лестницы и смотрели через балюстраду, они видели, что в зале остался Гальбро, ожидая, пока за остальными закроется тяжелая дверь. Потом он поспешил к камину и осторожно начал копаться в тлеющих углях. Наконец, он нагнулся, очень пристально рассмотрел что-то, затем поднялся, поспешно осмотрелся и вышел через другую дверь.

— Что он искал в очаге? — прошептала Тина.

Белеза пожала плечами, потом любопытство одержало верх и она спустилась в пустой зал. Мгновением позже она нагнулась над тем же местом, что и мажордом и увидела, что он изучал.

Это были обугленные остатки карты, которую Конан бросил в огонь. Каждое мгновение они могли рассыпаться, однако на них все еще были заметны светлые линии и пара слов. Слов этих она прочитать не смогла, но линии, казалось, представляли из себя гору или утес, а крестики вокруг, вероятно, означали лес или по крайней мере, группу стоявших друг возле друга деревьев. Она не знала, где находится эта гора, но по поведению Гальбро она заключила, что ему было известно это место. Он был единственным из форта, кто отваживался углубляться в лес на значительное расстояние.

6. ГРАБЕЖ ПЕЩЕРЫ

В зное полудня, последовавшем за бурей, в форте было необычно тихо. Голоса людей за палисадом звучали приглушенно. Такая же усталая тишина царила и на берегу, где обе соперничающие команды, вооруженные до зубов, разделенные всего парой сотен футов, разбили свои лагеря. Далеко от берега, в бухте находилась «КРАСНАЯ РУКА» с горсточкой членов экипажа на борту, готовая при малейших признаках предательства выйти в море. Карака была козырной картой Стромбанни, его лучшей гарантией против возможных трюков его соперников.

Белеза снова поднялась по лестнице и остановилась под взглядом графа, сидящего за столом и вертящего в руках порванную цепочку. Без всякой симпатии, с порядочной долей страха она взглянула на него. Он жутко изменился. Он, казалось, попал в ад, и страх, захлестнувший его, стер все человеческие черты с его лица.

Конан все спланировал искусно, чтобы исключить возможность коварного нападения той или иной стороны, но, насколько поняла Белеза, он забыл защитить себя от коварства своих спутников.

Он исчез в лесу, чтобы провести двух пиратов и дважды по пятнадцать человек их людей. Зингарка также была уверена в том, что она больше никогда не увидит его живым.

Наконец, она открыла рот и испугалась своего голоса, который прозвучал у нее в ушах хрипло и напряженно.

— Варвар с этими людьми в лесу. Как только Стромбанни и Зароно заполучат золото в свои руки, они убьют его. Что будет, когда они вернутся с сокровищами? Должны ли мы действительно погрузиться на борт этого корабля? Можем ли мы доверять Стромбанни?

Валенсо с отсутствующим видом покачал головой.

— Стромбанни нас всех убьет, чтобы получить нашу долю сокровищ. Но Зароно прошептал мне свой план. Мы взойдем на борт «КРАСНОЙ РУКИ», не как гости, а как владельцы корабля. Зароно позаботился о том, чтобы они не управились вовремя, и ночью разбили лагерь в лесу. Он найдет возможность убить во сне Стромбанни и его людей. Потом он и его люди украдкой проберутся на берег. Незадолго до рассвета я тайно пошлю из форта своих рыбаков. Они должны подплыть к кораблю и захватить его. Потому не надо думать ни о Стромбанни, ни о Конане. Зароно и его люди выйдут из леса и вместе с корсарами на берегу нападут в темноте на

бараманцев, а я выведу из форта своих солдат, чтобы поддержать Зароно. Без капитана пираты станут для нас легкой добычей. Потом мы вместе со всеми сокровищами выйдем в море на «КРАСНОЙ РУКЕ».

— А что будет со мной? — спросила она.

— Я обещал тебя Зароно, — сурово ответил граф. — Без этого он вообще не возьмет нас с собой.

— Но я не хочу выходить за него замуж, — беспомощно возразила она.

— О, нет, ты сделаешь это, — мрачно сказал он без следа сочувствия. Он поднял цепочку и она блеснула в косо падающих лучах солнца. — Я, должно быть, потерял ее на берегу, — пробормотал он. — Он нашел ее, когда вышел из лодки.

— Вы не потеряли ее на берегу, — повторила Белеза голосом, таким же безжалостным, как и его. Ей показалось, что сердце ее окаменело. — Вы сорвали ее с шеи прошлой ночью, когда избивали Тину. Я видела эту цепочку, лежащую на полу, прежде чем покинула зал.

Он взглянул на нее. Его лицо посерело от страха. Она усмехнулась, прочитав невысказанный вопрос в его расширившихся глазах.

— Да! Черный чужеземец! Он был здесь! В этом зале! Он, должно быть, нашел цепочку на полу. Охранники не видели его, но ночью он был перед дверью вашей спальни. Я видела его через глазок в двери, когда он крался по коридору.

Некоторое время ей казалось, что он умрет от страха. Он снова опустился на свой стул. Цепочка выскользнула из его ослабевших пальцев и упала на стол.

— В главном доме! — прошептал он. — Я думал, что охрана и запоры помешают его проникновению. Глупец! Какой я был глупец! Я также не могу защититься от него, как и ускользнуть! У моей двери! — это доконало его. — Почему же он не вошел? — простонал он и рванул воротничок, словно тот его душил. — Почему он не положил конец этой ужасной игре? Как часто я видел во сне, как он прокрадывается в мою спальню, нагибается надо мной и смотрит. И адский голубой огонь мерцает вокруг его головы. Почему...

Припадок кончился, но он невероятно ослабил графа.

— Я понимаю, — задыхаясь, произнес он. — Он играет со мной в кошки-мышки. Убить меня ночью ему кажется слишком легким и милосердным. Поэтому он уничтожил корабль, на котором мне, может быть, удалось бы бежать. Он убил этого бедного пикта и обмотал мою цепь вокруг его головы, чтобы дикии подумали, что убил его я. Он достаточно часто видел эту цепочку на моей шее. Но почему? Какого дьявола он все

это затеял? Чего он этим добивается? Наверное все это настолько чудовищно, что человеческий разум не может этого понять.

— Кто этот черный чужеземец? — спросила Белеза, и почувствовала, как у нее по спине побежали мурashki.

— Демон, которого я освободил своей алчностью и жадностью, не подумав о том, что он будет мучить меня целую вечность! — прошептал граф. Он растопырил свои длинные пальцы на крышке стола и взглянул на Белезу запавшими, странно блестящими глазами, однако у нее появилось ощущение, что он ее не видит, что он смотрит сквозь нее в мрачное полное мучений будущее.

— В моей юности при дворе у меня был враг, — сказал он больше для себя, чем для нее. — Он был могущественным человеком и стоял между мной и моими амбициями. В своей алчности к власти и богатству, я стал искать помощи у Черной магии и обратился к колдуна, который по моему желанию вызвал демона из мрака. Этот демон покончил с моими врагами, моя власть и мои богатства выросли и никто больше не мог состязаться со мной. Однако, я задумал обмануть колдуна в обещанном ему вознаграждении, которое должен был выплатить ему смертный, который будет нуждаться в его помощи.

Колдуном этим был Тот-Амон из Ринга, изгнанный из своей родной Стигии. Во время царствования короля Ментуфорры он бежал из страны. Когда Ментуфорра умер и на трон Люкура из слоновой кости взошел Ктесфон, Тот-Амон мог вернуться на родину, но он остался в Кордаве и постоянно напоминал мне о том, что я должен расплатиться с ним. Однако, вместо того, чтобы отдать ему обещанную половину моего состояния, я донес на него своему монарху, так что Тот-Амону не оставалось ничего другого, как только поспешно и тайно вернуться в Стигию. Там он быстро приобрел благосклонность нового правителя, а со временем также и огромное богатство и могучую магическую силу, пока не сделался настоящим правителем этой страны.

Два года назад, находясь в Кордаве, я получил известие, что Тот-Амон внезапно исчез из Стигии. А потом однажды ночью я увидел его дьявольское коричневое лицо, подстерегающее меня в темном углу зала в моем дворце.

Он не явился тогда лично, а послал свой дух, чтобы превратить мою жизнь в ад. На этот раз у меня для защиты не было короля, потому что после смерти Федруго и принятия регентства в стране, как ты знаешь, страна распалась на два лагеря и регент оказался во вражеском лагере. Прежде чем Тот-Амон появился в Кордаве во плоти, я бежал в море. К

счастью, его власть имеет свои границы. Чтобы преследовать меня по морю, это чудовище должно оставаться в своем теле, один его дух не может странствовать по морям. Несмотря на это, при помощи своих жутких сил он, теперь выследил меня в этой глупши.

Он прибыл сюда, чтобы заманить меня в западню или убить меня как обычного смертного. Если он спрячется, его никто не сможет найти. Он невидимый, скользит в ночи и тумане, и ни замки, ни засовы не смогут его остановить. Глаза охранников он смежает сном. Он имеет власть над духами воздуха, гадами в глубинах и демонами мрака. Он может вызвать шторм, чтобы топить корабли и сравнивать дома с землей. Я надеялся, что мои следы растворятся в голубых волнах — но он меня выследил, чтобы жестоко отомстить мне...

Глаза Валенса горели, когда он уставился в бесконечную даль сквозь завешанную коврами стену.

— Но я его перехитрю! — прошептал он. — Если он только не ударит этой ночью! Завтра под моими ногами уже будет палуба, и между мной и его местью снова будет лежать океан.

* * *

— Проклятье!

Конан, взглянув вверх, внезапно остановился. Моряки позади него тоже остановились двумя следующими вплотную друг за другом недоверчивыми группами, держа луки наготове. Они шли по старой охотничьей тропе пиктов, ведущей прямо на восток. Хотя они прошли всего несколько сот футов, берега уже не было видно.

— Что случилось? — подозрительно спросил Стромбанни. — Почему ты остановился?

— Ты что, слепой? Смотри!

На густых ветвях, нависающих над тропой, на них скалился череп, темное раскрашенное лицо, обрамленное пышными волосами, в которые над левым ухом было воткнуто перо птицы-носорога. Лицо это печально смотрело вниз.

— Я сам снял эту голову и спрятал ее в чаще! — пробурчал Конан и прищурившись, внимательно осмотрел лес. — Какой сукин сын снова повесил ее здесь? Это все выглядит так, словно кто-то силой пытается натравить пиктов на форт.

Люди мрачно посмотрели друг на друга. Новая дьявольщина, все это

было так запутано и достаточно опасно. Конан вскарабкался на дерево, взял отрезанную голову и отнес ее в подлесок, где бросил в протекающий мимо ручей и посмотрел, как она утонула.

— Пикты, следы которых были видны вокруг этого дерева, не были из племени Птицы-Носорога, — объяснил он, вернувшись. — Раньше я достаточно часто подходил к этому берегу на своем корабле и немного познакомился с прибрежными племенами. Если я верно читаю отпечатки мокасин, это Кормонары. Я могу только надеяться, что они находятся на тропе войны против племени Птицы-Носорога. Однако, если между ними мир, они уже на пути к деревне племени Птицы-Носорога и скоро здесь развернется ад. Я, конечно, не имею никакого представления, как далеко находится эта деревня, но как только эти дьяволы узнают об убийстве, они помчатся по лесу как голодные волки. Для пиков не существует худшего злодеяния, чем убийство одного из них, если он не носит боевой окраски, и вывешивание его головы на дереве, чтобы ее могли обклевывать стервятники. Проклятые странности происходят на этом берегу. Но так бывает всегда, когда «цивилизованные» люди появляются в глухи. Они просто не способны вести себя иначе. Идем.

Двигаясь вглубь леса, люди ослабили мечи в ножнах и стрелы в колчанах. Люди, привыкшие к простору моря, неуютно чувствовали себя среди незнакомой им зеленой чащи леса, путались во вьющихся растениях, которые все время мешали им. Тропа извивалась как змея, так что большинство моряков не могло понять, в каком направлении находится берег.

Но Конан беспокоился не из-за этого. Он снова и снова изучал тропу, пока, наконец, не пробормотал.

— Кто-то прошел по ней незадолго до нас. И этот кто-то носит сапоги и незнаком с лесом. Быть может, он именно тот глупец, который нашел череп пика и снова повесил его на дерево? Нет, это не мог быть он, иначе я обнаружил бы под деревом его следы. Но кто же это был? Кроме следов пиков, которые я уже видел, я больше не обнаружил ничего. Кто же этот парень, который прошел здесь перед нами? Может быть, один из вас, сучьих детей, почему-либо отправил сюда своего человека?

Как Стромбанни, так и Зароно горячо отрицали это, подозрительно и недоверчиво поглядывали друг на друга. Ни один из них не мог прочитать следы, на которые указывал Конан, едва видимые отпечатки на лишенной травы плотно утоптанной тропе, которые оставались скрытыми от их глаз.

Конан ускорил шаги, и они побежали вслед за ним. Тем временем у грабителей зародилось новое подозрение: когда тропа повернула на север,

Конан покинул ее и стал прокладывать путь между деревьями в юго-восточном направлении. Тем временем, солнце перевалило за полдень; люди тяжело дышали, прориаясь через чащу и перелезая через стволы упавших деревьев.

Стромбанни, идущий вместе с Зароном в арьергарде, прошептал своему спутнику.

— Как ты думаешь, не ведет ли он нас в западню?

— Все возможно, — ответил корсар. — Но как бы там ни было, без него мы никогда не найдем дорогу обратно на побережье, — он бросил на Стромбанни многозначительный взгляд.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — пробормотал пират. — Это, возможно заставит нас изменить свои планы.

Чем дальше они продвигались, тем больше росло их недоверие и они уже почти были готовы удариться в панику, когда, наконец, вышли из дремучего леса и прямо перед собой увидели голую скалу, поднимавшуюся из мшистой почвы. Едва заметная тропинка вела из леса на восток, проходила через россыпь обломков и поднималась к плоскому карнизу вблизи вершины.

Конан, одетый в причудливый костюм, какие носили пираты сто лет назад, остановился.

— Это тропа, по которой я поднялся на скалу, когда меня преследовали пикты из племени Орла, — сказал он. — Она ведет в пещеру за карнизом там, наверху. В ней сидит мертвый Траникос и его люди, сидят вокруг драгоценности, которую они отобрали у Тотмекриса. Однако, я должен сказать еще кое-что, прежде чем вы подниметесь наверх, чтобы забрать сокровища: если вы убьете меня здесь, вы, конечно, не найдете обратного пути назад — я имею в виду, к побережью. Я знаю, что вы моряки и в глухом лесу совершенно беспомощны. Вам также не поможет то, если я скажу вам, что берег находится точно на запад отсюда, потому что, когда вы будете тяжело нагружены сокровищами — если они не обманут ваших ожиданий — вам на обратный путь потребуются не часы, а дни.

И я не думаю, что лес безопасное место для белых, особенно тогда, когда люди племени Птицы Носорога узнают об убийстве своего охотника.

Он улыбнулся им безрадостной улыбкой, и они поняли, что он видит их нас kvозь. И он понял, о чем они думали: варвар должен был обеспечить нам безопасность и отвести нас к тропе, ведущей к побережью, а там мы все равно убьем его.

— Кроме Стромбанни и Зарона все остаются здесь, — сказал Конан

морякам. — Нас троих вполне достаточно, чтобы вынести сокровища из пещеры и спустить их вниз.

Стромбанни насмешливо улыбнулся.

— Я должен идти один с тобой и Зароно? Ты меня считаешь дураком? Я возьму с собой по крайней мере одного человека!

Он указал на боцмана, мускулистого гиганта с обнаженным торсом и широкой набедренной повязкой, в ушах которого болтались золотые кольца, а голова была повязана красной косынкой.

— А я возьму с собой своего Первого! — пробурчал Зароно. Он сделал знак коренастому парню с лицом, похожим на череп мертвеца, на костиистом плече которого лежал кривой меч, подойти к нему.

— Я не возражаю! — пробурчал Конан. — Следуйте за мной. Поднимаясь по тропе к утесу, они почти наступали друг другу на пятки. Они протиснулись вслед за Конаном в щель в скале позади карниза, глубоко втягивая в себя воздух и увидели окованные железом сундуки, стоящие по обе стороны прохода.

— Здесь довольно ценные вещи, — сказал Конан равнодушно. — Шелк, кружева, одежда, украшения, оружие, — добыча, взятая в южных морях. Но основное сокровище находится там, за дверью.

Тяжелая дверь была полуоткрыта. Конан наморщил лоб. Он хорошо помнил, что он закрыл ее, прежде чем покинуть пещеру. Но он не подал никакого знака своим спутникам, а только отошел в сторону, чтобы пропустить их.

Они заглянули вглубь пещеры. Она была освещена странным голубым светом и под ее сводами кое-где мерцал клубящийся голубоватый туман. Огромный стол из эбенового дерева стоял в центре пещеры, а в деревянных резных креслах с высокими спинками и широкими подлокотниками — эта мебель, может быть, раньше принадлежала какому-нибудь горожанину или находилась в замке зингарского барона — сидели огромные легендарные фигуры членов Братства Траникоса. Мощная голова самого Траникоса была опущена на грудь, рука его все еще сжимала инкрустированный камнями бокал. На нем была лакированная кожаная шляпа, длинная куртка с золотой вышивкой, застежки из драгоценных камней которого блестели в голубом сиянии, сапоги с высокими голенищами и накладками и оружейный пояс с золотой пряжкой, на котором висели позолоченные ножны с мечом, рукоятка которого была также украшена драгоценными камнями.

А вокруг огромного стола сидели одиннадцать его людей, каждый уперся подбородком в свою украшенную кружевами грудь. Голубоватое

сияние освещало их странно беспокоящим светом. Оно исходило от огромного драгоценного камня на подставке из слоновой кости, стоящей в центре стола. Оно отражалось также от необычно отполированных драгоценных камней, которые довольно большой кучкой лежали перед креслом Траникоса — это были драгоценности Тотмекриса, ценность которых превосходила всех других драгоценных камней вместе взятых.

Лица Зароно и Стромбанни в этом голубом сиянии казались бледными. Их люди широко открытыми глазами уставились через плечо своих капитанов.

— Идите туда и возьмите все это, — пробурчал Конан.

Зароно и Стромбанни протиснулись мимо него, в ярости отталкивая друг друга. Два человека следовали вплотную за ними. Зароно пинком ноги широко распахнул дверь — и ступив сапогами на порог, остановился, глядя на фигуру, которую до сих пор скрывала дверь. Это был скорчившийся лежащий на полу человек, лицо которого было искажено в смертельной агонии.

— Гальбро! — пораженно воскликнул Зароно. — Мертвый! Что... — он с внезапным недоверием просунул голову в пещеру и поспешил отпрянуть назад. — В пещере смерть! — воскликнул он.

В то время как он кричал, туман в пещере зашевелился и сгустился. В то же время Конан всем своим весом бросил четырех человек, закрывающих дверное отверстие, вперед и все они пошатнулись, но, к сожалению, не влетели сломя голову в туманную пещеру, как он задумал. В своем опасении попасть в ловушку, и при виде мертвеца, пираты обратили внимание на формирующегося демона. Так что хотя мощный удар Конана заставил их потерять равновесие, однако он не достиг желаемого результата. Зароно и Стромбанни упали на колени, наполовину переступив порог, боцман был сбит с ног, а Первый Офицер ударился о скалу.

Вместо того, как намеревался Конан, чтобы втолкнуть всех людей в пещеру и закрыть за ними дверь, а потом подождать, пока демон покончит с ними, Конан должен был повернуться и защищаться против яростного нападения Первого Офицера, который бросился на него.

Корсар промахнулся по киммерийцу, когда тот пригнулся и меч его ударился по стене. Искры посыпались сплошным потоком. В следующее мгновение голова Первого покатилась по полу туннеля, отрубленная саблей Конана.

В это мгновение боцман встал на ноги и с обнаженным мечом напал на Конана. Клинок ударился о клинок и звон был оглушающим.

Тем временем капитаны, до смерти напуганные тем, что произошло в

пещере, перевалились назад, через порог. Они сделали это настолько быстро, что демон не успел полностью сформироваться; они покинули магическую границу и оказались вне его досягаемости. Пока они стояли за порогом, чудовище снова растворилось в тумане.

Конан, сражающийся с боцманом, удвоил свои усилия, чтобы избавиться от него, прежде чем к нему придут на помощь. Он отогнал пирата назад, тот при каждом шаге терял кровь и в отчаянии звал на помощь своих товарищей. Прежде чем Конану удалось покончить с ним, оба капитана с обнаженными мечами в руках бросились на него, зовя своих людей.

Киммериец отпрыгнул назад, на карниз. Хотя он, вероятно, мог бы убить всех троих, каждый из которых был великолепным бойцом, он предпочел бегство, чтобы не попасть в руки спешащим сюда на зов своих капитанов пиратов.

Однако они не появились так быстро, как он ожидал. Хотя они слышали сдавленные крики из пещеры, однако никто из них не осмеливался взобраться наверх по тропе, боясь, что он получит удар меча в спину. Обе группы наблюдали друг за другом. Когда они увидели Конана, выпрыгнувшего на карниз, они все еще колебались. Пока они нерешительно стояли с натянутыми луками, Конан вскарабкался по высеченной в скале лестнице и исчез из поля зрения морских грабителей за каменным гребнем.

Капитаны вывалились на карниз. Люди, увидев своих вожаков, и установив, что они не убили друг друга, перестали угрожать друг другу и пораженно уставились вверх, на скалу.

— Собака! — заревел Зарон. — Ты хотел заманить нас всех в ловушку и убить! Предатель!

Конан ответил сверху:

— Чего же вы ожидали? Вы двое планировали перерезать мне горло, как я покажу вам добычу. Если бы не этот идиот Гальбро, я бы запер там вас всех четверых и объяснил бы вашим людям, что вы необдуманно подвергли себя смертельной опасности.

— А после нашей смерти, ты забрал бы мой корабль и всю добычу! — бушевал Стромбанни.

— Да. И лучших из обоих ваших экипажей. Я уже давно тешился мыслью снова уйти в море, как только представится такая возможность.

Впрочем, следы, которые я обнаружил на тропе, были следами Гальбро. Я только не знаю, как он узнал об этой пещере и спрашивал себя, как он хотел в одиночку забрать отсюда сокровище.

— Если бы не увидели его труп, мы бы попали в западню, — пробормотал Зароно, с все еще пепельно-серым лицом.

— Что это, собственно было? — спросил Стромбанни. — Ядовитый газ?

— Нет, это двигалось, словно живое и принимало дьявольскую форму, прежде чем мы отступили назад. Это демон, который заключен в этой пещере при помощи колдовства, — сказал Зароно.

— Ну что вы теперь будете делать? — насмешливо крикнул Конан сверху.

Пираты не могли его видеть.

— Да, — Зароно повернулся к Стромбанни. — Что теперь мы будем делать? Мы не можем живыми войти в пещеру с сокровищами.

— Конечно! — крикнул сверху Конан. — Сокровища вы не получите. Демон задушит вас. Он почти задушил меня, когда я вошел в пещеру. Слушайте, я расскажу вам историю, которую пикты рассказывают в своих хижинах, когда костер постепенно прогорает.

Однажды из-за моря пришли двенадцать чужеземцев. Они напали на одну из деревень пиков и всех там убили, кроме немногих, которым удалось бежать. Потом они обнаружили пещеру и затащили в нее золото и драгоценные камни. Но шаман убитых пиков — он был один из тех, кому удалось бежать — начал колдовать и вызвал демона из глубины ада. При помощи чар шаман вынудил демона войти в пещеру и задушить двенадцать чужеземцев, которые сидели за столом и пили вино. А чтобы демон больше не появлялся в стране пиков и не причинял вред самим пиктам, шаман при помощи магии запер его в пещере. Эта история рассказывается во всех племенах, и с тех пор все кланы избегают этого проклятого места.

Когда я подошел к пещере, чтобы ускользнуть от племени Орла, мне стало ясно, что легенда является правдой и относится к Траникосу и его людям. Смерть охраняет сокровище Траникоса.

— Люди должны подняться наверх! — вскипал Стромбанни. — Мы заберемся наверх и уничтожим его!

— Не будь дураком! — пробурчал Зароно. — Неужели ты действительно думаешь, что кто-то стащил его вниз, пока он со своей саблей охраняет лестницу? Но, несмотря на это, мы пошлем людей наверх и они устроятся на карнизе, чтобы пронзить его стрелами, как только он осмелится показаться. Мы еще не забрали драгоценности. У него, несомненно есть план, как их забрать, хотя для их переноски потребуется не меньше тридцати человек. А если он может сделать это, то и мы сможем. Мы изогнем клинок одной из наших сабель так, что он сможет

служить крюком, привяжем к нему веревку, забросим крюк за ножку стола и подтянем его к двери вместе с драгоценностями.

— Весьма неглупо, Зароно! — насмешливо похвалил Конан. — Именно это я и намеревался сделать. Но как вы вернетесь назад, на тропу? Стемнеет задолго до того, как вы достигнете берега, если даже вам удастся проложить путь сквозь лес. А я последую за вами и буду убивать вас в темноте, человек за человеком.

— Это не пустая угроза, — пробурчал Стромбанни. — Он может двигаться в темноте так же быстро и бесшумно, как призрак. Если он последует за нами через лес, немногие из нас доберутся до берега.

— Тогда мы убьем его здесь, — заскрежетал зубами Зароно. — Некоторые из нас будут обстреливать его, пока остальные будут карабкаться на скалу. Если он не будет убит стрелами, мы прикончим его мечами. Почему он смеется?

— Потому что смешно слышать, как мертвецы строят планы! — крикнул Конан, заметно повеселевшим голосом.

— Не спускай с него глаз! — мрачно сказал Зароно. Потом он крикнул людям внизу, приказывая подняться на уступ к нему и Стромбанни.

Моряки начали карабкаться вверх по тропе и один из них проревел свой вопрос, повернув голову вверх. Одновременно с этим раздалось жужжание, словно от шмеля, которое закончилось глухим ударом. Корсар замолк перед словами. Он захрипел и кровь хлынула изо рта. Он упал на колени и остальные увидели древко стрелы, выступающее у него из спины. Испуганный крик вырвался из глоток моряков.

— Что случилось? — проревел Стромбанни.

— Пикты! — закричал один из пиратов. Он поднял свой лук и выстрелил наугад. Товарищ возле него застонал и упал со стрелой в горле.

— В укрытие, вы, идиоты! — прогремел Зароно. Со своего высокого места он видел раскрашенные фигуры, скрывающиеся в кустарнике. Один из людей на тропе умирая, скатился вниз. Остальные поспешно отбежали и, рассыпавшись укрылись за обломками камней у подножья скалы. Они не были очень искусными в поисках укрытия и не привыкли к сражениям подобного рода. Стрелы со свистом вылетали из кустов и разбивались о каменные обломки. Люди на карнизе поспешно кинулись на камень.

— Теперь мы попали в ловушку! — лицо Стромбанни побледнело. Он был мужественен, когда под ногами палуба, но это молчаливое нападение действовало ему на нервы.

— Конан сказал, что они боятся этой скалы, — вспомнил Зароно. — Когда наступит темнота, наши люди смогут забраться сюда. Мы уже

находимся на карнизе. Пикты не станут штурмовать его.

— Это так, — с насмешкой ответил Конан. — Они не полезут на скалу, чтобы добраться до вас. Они всего лишь окружат ее и подождут пока вы не умрете с голоду.

— Он прав, — беспомощно прошептал Зарон. — Что же нам делать?

— Заключить с ним военное перемирие, — предложил Стромбанни. — Если кто-то и сможет вывести нас отсюда живыми, то только он. Позже мы все еще сможем перерезать ему горло, — он крикнул во весь голос. — Конан, забудь на время наше расхождение во мнениях. Ты попал в такое же неприятное положения, как и мы. Спускайся и помоги нам выбраться отсюда.

— Я сижу совсем не в той лодке, в которой вы, — крикнул он им в ответ. — Мне нужно только подождать, пока стемнеет, потом я смогу спуститься по другой стороне скалы и исчезнуть в лесу. Проколзнув сквозь оцепление пиктов мне не трудно. Потом я вернусь назад, к форту и сообщу, что вас всех убили дикари — и это будет чистая правда.

Стромбанни и Зарон с посеревшими лицами уставились друг на друга.

— Но я этого не сделаю! — проревел им Конан. — Не потому, что я считаю вас, собак, на что-то годными, а потому что не могу и позволить, чтобы белые — даже если это мои враги — были убиты пиктами как скот.

Голова киммерийца со спутанной гривой волос появилась из-за каменного гребня.

— Прислушайтесь повнимательнее. Там внизу, всего лишь маленький боевой отряд. Когда я смеялся некоторое время назад, я видел этих дьяволов, крадущихся в кустах. Кроме того, если бы их было много, ни одного из ваших людей внизу уже не было бы в живых. Я думаю, что там всего лишь пара мобильных пеших бойцов, идущих впереди большого боевого отряда, который послал их, чтобы отрезать нам путь к побережью. Да, я уверен, что в нашу сторону движется огромный отряд.

Я думаю, что эти дьяволы охраняют только западную часть скалы, а не восточную. Я спущусь там вниз и прокрадусь в лес, им в тыл. А вы тем временем спускайтесь по тропе и вместе с вашими людьми укрывайтесь за обломками камней. Скажите им, что они должны держать луки наготове и вытащить мечи. Когда вы услышите мой крик, бегите к деревьям на западной стороне поляны.

— А как насчет сокровищ?

— К дьяволу сокровища! Мы можем считать себя счастливчиками, если нам удастся спасти свои шеи!

Черноволосая голова исчезла. Оба капитана прислушивались к звукам, которые свидетельствовали, что Конан подполз к другой стороне скалы, которая была почти отвесной и стал спускаться вниз, но потом они не услышали ни звука. Внизу, в лесу тоже было тихо. Ни одной стрелы больше не попадало в обломки камней. Но они знали, что черные глаза дикарей со смертным нетерпением смотрят за ними.

Стромбанни, Зароно и боцман осторожно стали спускаться по вьющейся тропе. Они преодолели около половины тропы, когда стрелы снова запели вокруг них. Боцман охнул и сполз вниз по склону. Древко стрелы торчало у него из груди. Все новые стрелы отскакивали от нагрудных панцирей капитанов, пока они спускались по тропе. Оказавшись внизу, они бросились под защиту каменных обломков.

— Не оставит ли Конан нас здесь одних? — выругавшись, спросил Зароно.

— В этом отношении мы можем ему доверять, — заверил его Стромбанни. — У таких варваров, как он, свой собственный кодекс чести. Киммериец никогда не бросит на произвол судьбы человека своей расы, чтобы люди с другим цветом кожи убили его. Он поможет нам в борьбе с пиктами, даже если он планирует собственноручно убить нас — эй!

Леденящий кровь крик разорвал тишину. Он доносился со стороны деревьев на западе и одновременно что-то вылетело из-за леса, отскочив от земли и подскакивая. Это была отрубленная голова с жутко разрисованным искаженным лицом.

— Сигнал Конана! — прогремел Стромбанни.

Отчаявшиеся морские грабители поднялись как волна прибоя из-за своих камней и устремились в лес.

Из-за кустов полетели стрелы, но их поспешный полет был не слишком точен. Упали только три человека. Потом морские волки проломились через подлесок и набросились на голые разрисованные фигуры, поднявшиеся перед ними из чащи кустарника. Некоторое время было слышно тяжелое дыхание дерущихся врукопашную. Сабли и мечи ударялись о боевые тропы. Сапоги топтали голые тела, а потом босые воины, уцелевшие в короткой резне, ударились в бегство в чащу леса. Они оставили на мхе и искровавленной траве семь своих сородичей. Глубоко в лесу были слышны звуки боя, но скоро они смолкли и появился Конан. Он потерял свою кожаную шляпу, его плащ был разорван, а с сабли капала кровь.

— Что теперь? — прокаркал Зароно. Он знал, что они одержали победу только потому, что неожиданное нападение Конана в тыл к пиктам

нагнало на них страху и помешало им перебить пиратов и корсаров. Но он дико выругался, когда Конан нанес удар милосердия одному из корсаров, лежащему на земле с раздробленной ногой.

— Мы не можем тащить его с собой, — объяснил Конан. — И ему будет хуже, если мы оставим его здесь и пираты захватят его живым. Теперь идем!

Он стал пробираться между деревьями и они последовали за ним. Без него они бы часами блуждали по лесу, пытаясь выйти — без тропы они вообще не могли бы выйти. Но киммериец безошибочно вел по хорошо освещенной дороге. Морские грабители заревели от облегчения, когда перед ними внезапно появилась тропа.

— Идиот! — Конан схватил пирата, который бросился бежать, за плечо и отшвырнул его назад, к его товарищам. — Ты не выдержишь долго этого бега, и мы находимся еще в нескольких милях от побережья и не должны переутомляться, потому что последнюю часть пути нам придется бежать изо всех сил. Поэтому сохраняйте дыхание. А теперь идем!

Они направились по тропе равномерным шагом. Люди устремились вслед за ним, стараясь приспособиться к темпу его движения.

* * *

Солнце коснулось волн Западного океана. Тина стояла у окна, из которого Белеза наблюдала за бурей.

— Заход солнца превратил море в кровь, — пробормотала она. — Парус караки только белое пятно на красной воде. На лес уже спускается ночь.

— А что с моряками на берегу? — устало спросила Белеза. Она с закрытыми глазами опустилась на диван, положив руки на голову.

— Оба лагеря готовятся к ужину, — ответила Тина. — Они собирают плавник и разводят костры. Я слышу, как они перекликаются друг с другом — что это?

Внезапное напряжение в голосе девочки заставило Белезу вскочить. Тина схватилась за подлокотник и лицо ее побелело.

— Слушайте! Вой вдали, словно воет множество волков!

— Волков, — Белеза вскочила. Ледяная рука скакала ее сердце. — Волки в это время года не охотятся стаями.

— О, смотри! — закричала девочка и указала на что-то — Из леса бегут люди!

Белеза уже была у окна и с широко открытыми глазами уставилась на крошечные фигурки, выбегавшие из леса.

— Морские грабители! — воскликнула она. — С пустыми руками! Я вижу Зароно... Стромбанни...

— Где Конан? — прошептала Тина. Белеза покачала головой.

— Послушай! Послушай! — закричала девочка и ухватилась за свою госпожу. — Пикты!

Теперь все в форте могли это слышать: поднимающийся и затихающий вой ожидания и дикой жажды крови доносился из глубины темного леса. Он подгонял задыхающихся людей, которые еще быстрее, шатаясь, побежали к форту.

— Быстрее! — хрипел Стромбанни, черты лица которого были искажены от усталости. — Они уже наступают нам на пятки. Мой корабль...

— Мы не успеем достигнуть его, он слишком далеко от берега! — прокряхтел Зароно. — Мы должны укрыться в форте! Люди на берегу уже видят нас!

Он начал дико размахивать руками, но пираты и корсары на берегу и так поняли значение этого страшного воя, доносящегося из леса. Они бросили свои костры и котлы с пищей на произвол судьбы, и побежали к воротам палисада. Они уже вбежали в них, когда, выбежавшие из леса обогнули южный угол форта и сразу же после этого вбежали в ворота. Эти отчаявшиеся беглецы были полумертвыми от усталости. Ворота позади них поспешно закрылись. Отдохнувшие на берегу люди поднялись на бруствер, чтобы примкнуть к солдатам графа.

Белеза, выбежавшая из главного дома, остановила Зароно.

— Где Конан?

Корсар указал пальцем на темный лес. Его грудь тяжело вздымалась и опадала. Пот стекал по его лицу.

— Их шпионы наступали нам на пятки, прежде чем мы достигли берега. Конан остановился, чтобы убить парочку из них и дать нам возможность добраться до форта.

Он бросился к палисаду, чтобы занять место на бруствере, куда же вскарабкался Стромбанни. Валенсо тоже стоял там, закутавшись в плащ, бдительный и молчаливый. Его лицо превратилось в застывшую маску.

— Смотрите! — проревел один из пиратов, перекрыв оглушающий рев еще невидимой орды.

Из леса выбежал человек и побежал к воротам.

— Конан! — по-волчьи оскалился Зароно. — Теперь мы в

безопасности. Мы знаем, где сокровище. Теперь я не вижу, почему бы нам не пристрелить его?

— Нет! — возразил Стромбанни и схватил его за руку. — Нам нужна еще его сабля. Смотри!

Позади мчащегося киммерийца из леса с ревом высыпала дикая орда — сотни голых пиктов. Их стрелы жужжали вокруг бегущего. Парой огромных прыжков он достиг восточной стороны палисада, схватился за острие кольев, подпрыгнул и перемахнул через палисад, держа в зубах саблю. Стрела вонзилась в дерево, где он только что находился, Его плаща на нем больше не было, его белая рубашка была изорвана и запачкана кровью.

— Остановите их! — проревел он, опустившись на бруствер. — Если они, как я, перепрыгнут палисад, с нами будет покончено.

Пираты, корсары и солдаты тотчас же повиновались и град стрел ударили в приближающуюся толпу.

Конан увидел Белезу, в руку которой вцепилась Тина и ругательство его было очень живописным.

— Марш в дом! — не терпящим возражений голосом приказал он. — Их стрелы дождем сыплются через палисад. — Ну, что я сказал! — Черное древко вонзилось в землю под ногами Белезы, дрожа, как змея, готовая к нападению, Конан схватил арбалет и вложил в него болт.

— Эй, вы, несите сюда факелы! — проревел он, перекрывая шум сражения. — В темноте мы не сможем сражаться с ними!

Солнце зашло в мрачной красноте. Снаружи, в бухте, люди на борту караки подняли якорь и «КРАСНАЯ РУКА» со все увеличивающейся скоростью поплыла к красному горизонту.

7. ДИКАРИ ИЗ ЛЕСА

Опустилась ночь, но факелы слабым светом освещали эту сумасшедшую сцену. Раскрашенные, обнаженные дикари устремились вперед, как волна прибоя, накатились на палисад. Их белые зубы и сверкающие глаза блестели в свете факелов. Перья птицы Носорога были воткнуты в их черные гривы; здесь были также перья кормарака и морского орла. Пара воинов, наиболее диких, вплела в свои волосы зубы акулы. Прибрежные племена со всех сторон прибыли сюда, чтобы очистить берег от вторгшихся белокожих людей.

Плечом к плечу бросались они на палисад, осыпая его градом стрел и не обращая внимания на стрелы и арбалетные болты, которые уже сразили многих из них. Иногда они подходили так близко, что могли бить боевыми топорами в ворота, а их копья могли проникать внутрь через бойницы. Но каждый раз этот людской поток откатывался назад, оставляя позади себя множество трупов. В таком виде борьбы у морских волков был огромный опыт и они в нем были очень искусны. Их стрелы и болты пробивали бреши в орде, а их сабли сбивали с палисада пиктов, которым удалось забраться туда. Однако дикари снова и снова штурмовали форт.

— Они как бешеные собаки! — пропыхтел Зароно, отсекая хватающиеся за острия кольев палисада темные руки, не обращая внимания на раскрашенные останки, которые с оскаленными зубами смотрели на него снизу вверх.

— Если мы сможем удержать форт до утра, они потеряют мужество, — пробурчал Конан и с точностью опытного бойца ударил саблей по раскрашенной голове. — Ага, они уже отступают!

Волна людей откатилась назад. Люди на бруствере смахнули пот со своих лиц, подсчитали погибших и обтерли залитые кровью рукоятки своих сабель и мечей. Как опьяневшие жаждой крови волки, которые вынуждены отказаться от намеченной жертвы, пикты отпрянули за освещенное пространство. У палисада остались только трупы.

— Они ушли? — Стромбанни смахнул с лица мокрые от пота волосы. Сабля в его кулаке была иззубрена, а рука забрызгана кровью.

— Они все еще находятся поблизости, — Конан кивком головы указал на тьму. Он видел, как там что-то изредка двигалось, кроме того, там время от времени блестели чьи-то глаза и матово поблескивало медное оружие.

— Все же они на некоторое время отступили. Установите на бруствере

охрану и позаботьтесь о том, чтобы другие люди тем временем поели и попили. Полночь уже минула. Мы безостановочно сражались целых четыре часа. Эй, Валенсо, как там у вас?

Граф, в помятом, забрызганном кровью шлеме и нагрудных латах, мрачно подошел к Конану и обоим капитанам. Он что-то неразборчиво пробурчал в ответ. Тут из темноты внезапно раздался голос, громкий, четкий, прозвучавший по всему форту.

— Граф Валенсо! Из Корзетты! Вы слышите меня? — в этом голосе был несомненно стигийский акцент.

Конан услышал, как граф застонал, словно от смертельного удара. Валенсо пошатнулся и схватился за колья палисада, чтобы удержаться на ногах. Лицо его в свете факелов было пепельно-серым. Голос продолжал:

— Это я, Тот-Амон из Ринга! Неужели вы думаете, что сможете ускользнуть от меня? Слишком поздно. Ваши хитрые планы больше не нужны вам, потому что сегодня ночью я пошлю к вам курьера-демона, охраняющего сокровища Траникоса! Я освобожу его из пещеры и возьму к себе на службу. Он позаботится о том, чтобы ваша судьба настигла вас, и чтобы вы многократно получили за то, что заслужили: мучительную, медленную, тяжелую и бесчестную смерть. Хотелось бы мне посмотреть, как вы ускользнете от этого.

Его слова завершил мелодичный смех. Валенсо издал громкий крик, соскочил с бруствера и бросился к главному дому.

* * *

Когда в бою наступила пауза, Тина проскользнула к окну, от которого она отошла, боясь, что случайная стрела может попасть в нее. Она молча смотрела, как люди собирались вокруг костра. Белеза читала письмо, которое служанка принесла к дверям ее комнаты.

«Граф Валенсо своей племяннице»

Приветствуя тебя. Мой неизбежный конец близок. Ну, я с этим примирился; ты должна знать, что это далось мне нелегко и мне было ясно, что я использовал тебя таким образом, какой несовместим с честью графа из Корзетты. Я сделал это только потому, что обстоятельства не позволяли мне сделать выбор. Хотя теперь слишком поздно обвинять себя за то, я прошу тебя, не суди меня жестоко и, если ты пронесешь это через сердце и тебе случайно удастся пережить эту ночь ужаса, молись

Митре за грешную душу брата, советую тебе оставаться подальше от банкетного зала, чтобы тебя не коснулось то, что для меня неотвратимо. Будь здорова».

Рука Белезы, сжимающая письмо, дрожала. Хотя она никогда не чувствовала симпатии к своему дяде, она увидела в этом письме человеческий порыв — может быть, самый человечный из всех его порывов.

Тина у окна сказала:

— На бруствере должно быть больше охраны. Предположим, что Черный человек вернется.

Белеза, подошедшая к ней и тоже выглянувшая наружу, вздрогнула.

— Я боюсь, — пробормотала Тина. — Я надеюсь, что Зарон и Стромбанни будут убиты.

— А Конан, нет? — удивленно спросила Белеза.

— Конан не причинит нам никакого вреда, — убежденно ответила девочка. — Он живет по своему варварскому кодексу чести, а оба других бесчестны.

— Ты очень умна для своих лет, Тина, — пробормотала Белеза с беспокойством, которым каждый раз наполняла ее эта таинственная проницательность маленькой девочки.

— Смотри! — Тина замерла. — Охранник у южной стены палисада исчез. Я только что видела его на бруствере, а теперь его больше нет!

Из их окна были видны острые колья палисада, поднимающиеся над косыми крышами хижин, которые простирались во все стороны. Нечто вроде открытого коридора около двенадцати футов шириной образовалось между стеной палисада и задними стенами домиков, протянувшихся сплошным рядом. В этих домиках жили семьи слуг.

— Куда же мог деваться охранник? — прошептала Тина.

Белеза посмотрела на ближайший конец домиков, находящихся недалеко от главного дома. Она могла поклясться, что позади домиков проскользнула призрачная фигура и исчезла в двери. Был ли это охранник? Почему этот человек покинул свой пост и почему он пробрался в дом украдкой? Нет, она не верила, что это был охранник, которого она знала. Неописуемый страх сжал ее сердце.

— Где, граф, Тина? — спросила она.

— В банкетном зале, моя леди. Он сидит, уткнувшись в плащ, один за столом, пьет вино и лицо у него белое, как у мертвеца.

— Иди и расскажи ему о том, что мы видели. Я буду наблюдать из

окна, чтобы пикты незаметно не перелезли через палисад.

Тина выбежала из комнаты. Внезапно Белеза вспомнила о предупреждении в письме графа: держаться подальше от банкетного зала. Она подошла к двери и услышала легкие шаги девочки, идущей по коридору, а потом спускающейся по лестнице.

Но прежде чем она достигла двери, чтобы позвать Тину назад, она услышала пронзительный крик ужаса, от которого ее сердце чуть не выскочило от страха. Она выбежала из двери и помчалась по коридору, почти не соображая, что она делает. Посреди лестницы она остановилась, словно окаменев.

Она не закричала, как кричала Тина. Она не была способна ни пошевелиться, ни издать какой-либо звук. Она увидела девочку и почувствовала, как ее руки отчаянно вцепились в нее. Но это была единственная реальность в этом мире, в этом непредставимом ужасе.

* * *

На дворе Стромбанни только покачал головой на вопрос Конана.

— Нет, ничего не слышал.

— А я слышал! — инстинкты киммерийца пробудились в нем. — Это донеслось с южной стороны, из-за домиков.

Он вытащил саблю и направился к палисаду. Со двора не было видно южной стены и находящихся там охранников. Воодушевленный примером Конана, Стромбанни отправился вслед за ним.

В начале прохода между домиками и стеной палисада он увидел остановившегося Конана. Ход этот был скучно освещен двумя факелами, находящимися на концах коридора. И примерно в центре него на земле лежала скорчившаяся фигура.

— Бракус! — выругался Стромбанни. Он подбежал к нему и опустился на колени. — О, Митра! Его горло перерезано от уха до уха.

Конан внимательно осмотрелся. Кроме него, Стромбанни и мертвеца в проходе никого не было. Он посмотрел в бойницу, в кругу факелов ничего не двигалось.

— Кто мог это сделать? — спросил он скорее себя, чем Стромбанни.

— Зарено! — зашипел и вскочил Стромбанни. — Он послал своих собак, чтобы те убили моего человека. Он хочет уничтожить меня! Дьявол! У меня есть враги внутри палисада!

— Подожди! — Конан схватил Стромбанни за руку, чтобы удержать

его. — Я не думаю, что Зароно...

Но возбужденный пират вырвался, и ругаясь побежал по проходу. Конан последовал за ним. Стромбанни помчался прямо к костру, у которого сидел Зароно и пил из кружки пиво.

Его удивление было неподдельным, когда кружка была выбита у него из рук, и ее содержимое пенясь побежало по нагрудному панцирю, а самого его схватили безжалостные руки. Он с искаженным лицом уставился на капитана пиратов.

— Ты, проклятая собака! Убийца! — прогремел Стромбанни. — Ты убиваешь в спину моих людей, хотя она также защищает твою шкуру, как и мою!

Конан подбежал к ним. По всему двору люди перестали есть и пить и уставились на эту сцену.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Зароно.

— Что ты послал своих людей убивать моих людей, находящихся на посту, — проревел бараханец.

— Ты лжешь! — ненависть вдруг вспыхнула всепоглощающим пламенем.

С криком ярости Стромбанни выхватил свою саблю и обрушил ее на голову корсара. Зароно отразил удар и искры каскадом хлынули из-под клинка. Он устремился вперед, выхватывая из ножен меч.

В следующее мгновение, они как берсерки, бросились друг на друга. Клинки звенели и сверкали в свете костра. Их люди слепо и быстро отреагировали на это. Раздался громкий рев, когда пираты и корсары ринулись друг на друга. Оставшиеся охранники покинули свои посты и с обнаженными саблями спрыгнули вниз во двор. Сейчас же возникла ужасная неразбериха боя. Некоторые из солдат и слуг графа были втянуты в эту рукопашную, а солдаты у ворот повернулись к ним. Они пораженно раскрыли глаза и забыли о затаившемся снаружи враге.

Все это произошло так быстро — тлеющая ненависть вылилась во внезапное кровопролитие — что люди сражались друг с другом уже по всему двору, прежде чем Конан успел добраться до обезумевших капитанов. Не обращая внимания на их мечи, он с такой порывистостью отпихнул их друг от друга, что они отступили назад, а Зароно даже вытянулся во весь рост на земле.

— Вы проклятые идиоты! Вы хотите поставить на карту жизнь всех нас?

Стромбанни вскипал от ярости, а Зароно стал звать на помощь.

Один из корсаров подбежал к Конану и ударил его сзади. Киммериец

полуобернулся, схватил руку нападающего и поднял ее вместе с саблей.

Что-то в его голосе привлекло внимание этого обезумевшего сброда. Люди остановились посреди удара или укола и вытянули шеи, чтобы посмотреть. Конан указывал на одного из солдат на бруствере. Человек зашатался, взмахнул руками, попытался что-то крикнуть, а потом упал вниз головой. Тут все увидели черное древко стрелы, выступающее у него из спины.

Все испуганно взревели. За этим ревом последовали дикие крики, заставившие застыть кровь в жилах, а затем сильные удары в ворота. Пылающие стрелы взлетели над палисадом и вонзились в домики. Тонкий дымок заструился вверх. И за домиками, вдоль задних стен прокрадывались темные фигуры.

— Пикты в форте! — заревел Конан.

Разразился ад. Моряки перестали сражаться друг с другом. Некоторые повернулись к дикарям, другие вскочили на бруствер. Пикты все еще выбегали из-за домиков во двор, их боевые топоры звенели о сабли моряков и мечи солдат.

Зароно попытался подняться на ноги, когда один из раскрашенных дикарей устремился к нему и разбил ему голову топором.

Конан, с группой моряков позади себя, сражался с пиктами в форте. Стромбанни с большей частью своих людей поднялся на бруствер и сбивал темные фигуры, непрерывно лезущие на палисад. Пикты, пробравшиеся незамеченными, нападали со всех сторон. Почти все без исключения солдаты Валенсо собирались у ворот и пытались обороняться от ревущей толпы дикарей, которые били в ворота огромным стволов дерева.

Все больше пиктов перелезало через незащищенную южную часть палисада и пробегало по проходу за домиками. Стромбанни и его люди были оттеснены от северной и западной сторон палисада, и тотчас же двор затопила волна хлынувших через палисад голых дикарей. Они, как волки, валили защитников на землю и рвали их. Бой шел в водовороте раскрашенных тел. Пикты, солдаты, моряки лежали по всему двору и ноги, не обращая ни на что внимания сражающихся, топтали их.

Забрызганные кровью дикари с ревом ворвались в домики и к шуму боя примешались крики женщин и детей, умирающих под ударами топоров. Солдаты, услышавшие эти крики покинули свои посты у ворот, и в следующее мгновение пикты хлынули в форт и через них. Над некоторыми домиками вверх взметнулись языки пламени.

— К главному дому! — проревел Конан. Дюжина людей сомкнулась вокруг него, когда он начал пробивать себе путь сквозь толпу дикарей.

Стромбанни был около него и его сабля казалась вращающимся крылом ветряной мельницы.

— Мы не сможем удержать главный дом, — произнес он.

— Почему не сможем? — Конан был занят сражением и бросил на него только быстрый взгляд.

— Потому что... О-О! — Охотничий нож одного из дикарей глубоко вонзился в спину пирата. — Дьявол тебя побери, собака! — Стромбанни повернулся и размозжил череп пикта, затем пошатнулся и упал на колени. Кровь хлынула изо рта.

— Потому что его сожгут! — прохрипел он и рухнул на землю. Конан быстро осмотрелся. Все люди, окружавшие его, лежали на земле. Индеец, прощавшийся с жизнью, был последним, кто преграждал ему путь. Вокруг него кипел бой, но сам он в это мгновение стоял совершенно один.

Он находился недалеко от южной стены. Парой прыжков он мог достичнуть палисада, перелезть через него и исчезнуть в ночи. Но тут он вспомнил о беспомощных девушкиах, находящихся в главном доме, из которого валил густой дым.

Один из вождей, с украшенной перьями головой, пробился от ворот к нему, поднял боевой топор, а за ним устремились другие дикари. Однако, не успел он остановиться, как взлетевшая сабля парировала удар топора и размозжила череп вождя. Мгновением позже Конан побежал через дверь, захлопнул ее и запер. Он больше не обращал внимания на удары топоров, молотивших в дверь, ни на дикие крики.

Дым шел из банкетного зала. Он ел глаза, но Конан на ощупь пробирался вперед. Где-то истерически всхлипывала женщина. Конан вышел из облака дыма и остановился.

Из-за дыма в зале было темно и призрачно. Серебряный светильник лежал на полу, свечи были потушены. Единственным освещением были угли в камине. И в свете пламени Конан увидел человека, болтавшегося на конце веревки. Лицо мертвеца повернулось к нему. Оно было искажено до неузнаваемости, но он знал, что это граф, который повесился на балке в своем доме.

Но в зале было еще кое-что. Конан разглядел это сквозь облако дыма: ужасная черная фигура, поднимавшаяся над пламенем. Различимые очертания ее были почти человеческими, однако тени не было.

— Кром! — выругался Конан, которому тотчас же стало ясно, что он видит перед собой создание, которое не может убить ни один меч. Он увидел у подножия лестницы Белезу и крепко вцепившуюся в нее Тину. Черное чудовище выпрямилось и растопырило огромные руки. Размытое

лицо пристально уставилось на него сквозь дым. Оно было демоническим и ужасным. Конан увидел близко растущие друг к другу рога, зияющую пасть, стоящие торчком уши. Чудовище приближалось. И вместе с отчаянием в Конане проснулись старые воспоминания.

Возле ног киммерийца лежал опрокинутый светильник, бывшая гордость дворца в Корзете — пятьдесят фунтов массивного серебра, искусно украшенные изображениями богов и героев. Конан схватил его и поднял над головой.

— Серебро и огонь! — крикнул он громовым голосом и швырнул светильник со всей силой своих мускулов. Светильник ударился о чудовищную черную грудь. Даже демон не мог выдержать удар этого снаряда. Светильник сбил демона с ног и тот упал в камин, превратившийся в бушующую огненную пасть. Ужасный рев потряс зал, рев адского существа, погибающего на земле. Оправа камина разлетелась, камни полетели из дымохода и погребли под собой черное тело. Горящие балки полетели с потолка и пламя быстро охватило кучу обломков.

Языки пламени теперь лизали лестницу, когда Конан достиг ее. Он одной рукой подхватил потерявшую сознание девочку, а другой поставил Белезу на ноги. Сквозь треск пламени был слышен стук боевых топоров и потрескивание двери.

Конан осмотрелся. Он обнаружил дверь напротив лестницы и побежал к ней, держа Тину под мышкой и волоча за собой Белезу, казалось, оцепеневшую. Достигнув комнаты позади этой двери, он услышал оглушительный треск показавший, что потолок в зале обвалился. Облака дыма грозили задушить его, но Конан уже увидел открытую дверь, ведущую наружу. Протащив в нее своих подзащитных, он увидел, что петли ее были сорваны, а засовы и замки разбиты.

— Этот... дьявол проник в дом через эту дверь! — истерически всхлипывала Белеза. — Я... видела его... но... я не знаю...

Они преодолели дюжину футов от ряда домиков к южной стене, пробежали по охваченному огнем двору. Один из пиктов бросился им навстречу с поднятым топором. Его глаза сверкали в свете пламени.

Конан отодвинул Белезу в сторону и убрал Тину из-под удара топора, одновременно вонзив саблю в грудь нападающего. Затем, схватив Белезу другой рукой, он побежал к южной части палисада.

Облака дыма скрывали многих сражавшихся, но, несмотря на это, беглецы были замечены. Голые воины, черные на фоне пылающих домов, устремились к ним, подняв боевые топоры над головами. Они были еще в дюжине футов от них, когда Конан нырнул в проход между домиками. Все

новые и новые дикари спешили к другому концу прохода, чтобы отрезать беглецам путь к отступлению.

Конан остановился, изо всей силы забросил на бруствер сначала Белезу, а потом Тину, а затем вскочил сам. Он тотчас же поднял Белезу над палисадом и уронил ее на песок снаружи. Тина последовала за ней. Один из боевых топоров вонзился в бревно около его плеча, однако, Конан уже перепрыгнул через палисад и подобрал своих подзащитных. Когда пикты, наконец, достигли этого места, здесь больше не было видно никого живого.

8. БОЕЦ ИЗ АКВИЛОННИ

Новое утро тронуло воду дуновением бриза. Далеко в сверкающем море, из тумана поднималось белое пятно-парус, который, казалось, повис между небом и морем. На поросшем кустарником мысе, Конан держал разорванный плащ над костром из сырого дерева. Когда он убирал плащ, вверх поднимались маленькие облачка дыма.

Белеза, обняв Тину, сидела недалеко от него.

— Вы думаете, что они могут увидеть и понять эти дымовые знаки? — спросила она.

— Это они, конечно, смогут сделать, — заверил ее Конан. — Они всю ночь крейсировали недалеко от берега в надежде обнаружить оставшихся в живых. Страх глубоко въелся в их души. Их только около полудюжины и никто из них в достаточной мере не разбирается в навигации, чтобы вернуться к Бараханским островам. Они поймут мой сигнал — это код моряков. Они будут счастливы, если я приму на себя командование кораблем, потому что я единственный капитан, которому удалось выжить.

— Но, предположим, что пикты тоже видели этот дымовой сигнал? — Белеза содрогнулась. Она оглянулась назад, туда, где в нескольких милях на север еще поднимался дым.

— Это невозможно. После того, как я укрыл вас в лесу, я прокрался обратно в форт и увидел, как они выкатывают из подвала бочки с вином. Большинство из них там уже было пьяно. Теперь они наверняка упились до смерти. С сотней человек я мог бы уничтожить весь их род — Кром и Митра! — внезапно проревел он. — Это не «КРАСНАЯ РУКА», а военная галера. Какая цивилизованная страна направила сюда корабль своего флота? Возможно, это кто-то, кто хочет свести счеты с твоим дядей. В таком случае, мы конечно, должны заклинать его дух.

Он взглянул на море и постарался разглядеть сквозь туман подробности очертаний корабля. Галера приближалась носом вперед, так что видна была только позолоченная фигура на носу, а также маленький парус, надуваемый прибрежным бризом и двигающиеся весла.

— Ну, — произнес Конан. — По крайней мере, они приплыли сюда, чтобы забрать нас на борт. Это будет слишком долгая прогулка в Зингару. Пока мы не узнаем, кто они такие и какие у них намерения, я прошу вас не упоминать о том, кто я. Пока они пристают к берегу, я придумаю достоверную историю.

Конан подошел к костру и дал Белезе почти негодный для носки плащ. Потом он потянулся как дикая кошка. Девушки удивились и были восхищены. Его равнодушие не было наигранным. Ночь огня и крови, а потом бегство через мрачный лес, казалось, ничем не повредило ему. Он был так беспечен, словно всю ночь праздновал и веселился. Пара легких ран была перевязана полосками ткани от одежды Белезы, потому что он бежал из форта, не захватив с собой ничего.

Белеза больше не боялась его. Напротив, в его присутствии она чувствовала себя увереннее, чем когда-либо. Он не был таким цивилизованным, как капитаны морских грабителей, однако он руководствовался кодексом чести и ни в коем случае не был таким беспечным, как они. Конан жил по естественным, написанным законам своего народа, который был варварским и кровавым, однако, сам он никогда не нарушал странный кодекс чести.

— Вы думаете, что он мертв? — спросила Белеза.

Конан знал, что она имеет в виду.

— Я уже думал об этом, — ответил он. — Серебро и огонь смертельны для злых духов — и он получил более чем достаточно и того, и другого.

— А как насчет его хозяина?

— Тот-Амона? Он, вероятно, уже вернулся в какую-нибудь подземную обитель в Стигии. Этот колдун — довольно своеобразное отродье.

Больше из них никто не коснулся этой темы. Белеза содрогнулась еще раз, представив себе, как черная фигура проникла в банкетный зал, чтобы совершить ужасную месть.

Корабль тем временем подошел ближе, но прошло еще некоторое время, прежде чем он смог направить к берегу шлюпку. Белеза вопросительно взглянула на Конана.

— В главном доме вы упоминали, что были в Аквилонии генералом, но потом вы были вынуждены бежать оттуда. Можно попросить вас побольше рассказать об этом?

Конан усмехнулся.

— Я не должен был доверять этому вероломному Нумедидесу. Он сделал меня генералом, потому что я смог одержать пару небольших побед над пиктами, а потом, когда я уничтожил впятеро больше пиктов в бою при Велитриуме, чем потерял своих людей и разбил союз, который отдельные племена заключили между собой, меня пригласили в Тарантию, чтобы принять при дворе и отпраздновать победу. Это польстило моему тщеславию. Я сидел рядом с королем, а прекрасные девушки в это время

засыпали меня розами. Но потом этот сукин сын во время банкета подсыпал мне в вино снотворное. Когда я проснулся, то обнаружил, что закован в железной башне и меня должны казнить.

— Да, но почему?

— Как я мог знать, что взбредет в голову этому тупоумному королю? Может быть, какой-то другой генерал в Аквилонии, которому не понравилось, что какой-то чужеземный варвар получил это священное звание, натравил Нумедидеса против меня. Или, возможно, моим невзначай высказанным замечаниям о его странной политике и о том, что он приказал по всей Тарантии установить золотые статуи вместо того, чтобы золото, которое пошло на статуи, использовать для защиты границ своей страны, он вдруг почувствовал себя оскорблённым.

Философ Алкимедес незадолго до того, как я выпил вино со снотворным, сообщил мне, что он намеревается написать книгу о необдуманности как об основе управления государством. Он хотел привести в пример Нумедидеса. К сожалению, я был слишком пьян, чтобы понять, что он хочет мне сказать.

К счастью, у меня были друзья, которые позаботились о том, чтобы я смог убежать из железной башни и подготовили для меня меч и лошадь. Я поехал назад, в Боссонию, намереваясь вместе со своими отрядами поднять восстание. Но когда я приехал туда, я узнал, что все мои преданные боссонцы были отправлены в другую провинцию, а в их городе была размещена бригада дураков из Турана. У этих дураков были коровьи глаза. Большинство из них никогда ничего не слышали обо мне. Они хотели арестовать меня и мне ничего не оставалось, как только пробивать себе путь к свободе. Стрелы свистели вокруг меня, когда я проплыval Реку Грома — и вот я здесь.

Он наморщил лоб, рассматривая приближающийся корабль.

— О, великий Кром, я могу поклясться, что судя по штандарту на фок-мачте, что это отряд из Понтиана. Но это же невозможно! Идем!

Он повел обоих девушек вниз, к прибрежной полосе, откуда были слышны команды рулевого. Галера не выслала шлюпки, а сама уткнулась в мягкий песок. Когда люди спустились с носа судна, Конан проревел:

— Просперо! Троцеро! Что, во имя всего святого, вы здесь делаете...

— Конан! — закричали они. Бросились к нему и начали дружески хлопать его по спине и пожимать ему руки. Они заговорили все одновременно, но Белеза не поняла бы их, даже если бы они говорили по отдельности, потому что они использовали аквилонский язык. Тот, которого Конан назвал Троцеро, должно быть, был графом Понтии. Это

был широкоплечий узкобедрый мужчина, который несмотря на серебряные нити в его волосах, двигался грациозно, как леопард.

— Что вы здесь делаете? — спросил Конан.

— Мы прибыли, чтобы забрать тебя, — ответил Просперо, стройный молодой человек в замшевой куртке.

— Откуда вы узнали, где я?

Могучий мужчина с растрепанными волосами, которого звали Публиус, указал на четверых, одетых в развевающиеся одежды священников Митры.

— Декситеус нашел вас при помощи своего магического искусства. Он поклялся, что вы живы и пообещал привести нас к вам.

Одетый в черное человек поклонился.

— Ваша судьба связана с Аквилонией, Конан из Киммерии, — сказал он. — Я всего лишь крошечное звено в цепи вашей судьбы.

— Я все это понимаю недостаточно хорошо, — пробурчал Конан. — Кром знает, как я рад, что меня заберут из этой забытой богом песчаной дыры. Но что произошло?

Троццеро серьезно посмотрел на него.

— Мы порвали с Нумедидесом, мы больше не можем терпеть его сумасбродства и политики подавления. А теперь мы ищем генерала, который сможет командовать вооруженными силами восставших. И этот человек — вы!

Конан от всего сердца рассмеялся и большим пальцем указал на пояс с оружием.

— Как хорошо, что существует кто-то, кто может оценить мой успех. Я согласен, друзья! — он осмотрелся, и взгляд его упал на Белезу, которая робко держалась в стороне. Он сделал ей знак подойти и представил ее с грубоватой вежливостью. — Господа, это леди Белеза из Корзетты, — он снова обратился к ней на ее языке. — Мы можем отвезти вас назад в Зингару, но что вы там будете делать?

Она беспомощно покачала головой.

— Я не знаю. У меня нет ни денег, ни друзей и я не воспитана, что бы себе самой зарабатывать на жизнь. Может быть было бы лучше, если бы одна из стрел пронзила мое сердце.

— Вы не должны так говорить, моя леди! — испуганно воскликнула Тина. — Я буду работать для нас обоих!

Конан вынул из своего пояса кожаный мешочек.

— Хотя я не получил сокровищ Тотмекриса, — пробурчал он, — но здесь у меня есть пара камешков, которые я нашел в сундуке, из которого

взял одежду. — Он высыпал кучку пылающих рубинов. — Они составляют значительное состояние, — он ссыпал их обратно и вложил в руку Белезы.

— Но я же не могу принять этого... — запротестовала она.

— Конечно, вы возьмете это. Вы что хотите голодать? Тогда я могу покинуть вас так же, как это сделали пикты, — он серьезно посмотрел на нее. — Я знаю, как быть в хайборейской стране без средств к существованию. В моей стране кое-где существует голод, но ни один из наших людей не будет голодать, пока у кого-нибудь в Киммерии существует что-нибудь съестное. В цивилизованных же странах, одни люди обжираются, в то время как другие падают от голода. Я тоже иногда голодал, однако, я тайно или силой брал то, что мне нужно. Но вы не сможете делать этого. Итак, возьмите эти рубины. Продайте их. На вырученные за них деньги вы купите дворец, наймете слуг и приобретете прекрасную одежду. А после этого вам нетрудно будет найти себе супруга, потому что все цивилизованные мужчины хотят иметь жену, обладающую состоянием.

— А как насчет вас?

Конан усмехнулся и указал на аквилонцев.

— Они — это все, что мне нужно. Они настоящие друзья. С ними я добуду все богатства Аквилонии.

Тут вмешался огромный Публиус.

— Ваша щедрость делает вам честь, Конан, но мне хотелось бы, чтобы вы сначала посоветовались со мной. Потому что революция стоит денег. Солдатам нужно не только восстановление справедливости, но и золото. А Нумедидес забрал все золото Аквилонии себе. И мы не знаем, где нам взять денег, чтобы привлечь наемников на свою сторону.

— Ха! — рассмеялся Конан. — Я дам вам так много золота, что вы сможете купить любого человека в Аквилонии, способного держать меч! — в нескольких словах он рассказал о сокровище Траникоса и о разрушении форта Валенса. — Демон больше не охраняет пещеру, а пикты вернулись в свои разбросанные по всему лесу деревни. С отрядом хорошо вооруженных людей мы можем отправиться к пещере и вернуться назад, прежде чем кто-либо узнает, что мы находимся в стране Пиктов. Что вы на это скажете?

Все торжествовали так громко, что Белеза испугалась, что шум привлечет внимание пиктов. Конан лукаво улыбнулся и сказал ей по-зингарски, не слышно для других в шуме голосов:

— Как вам понравится Король Конан? Неплохо звучит, а?